

V. ИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 47. Общие замечания

Именительный падеж имен представляет собой основную форму для падежных и других образований, таким образом, у имен сама основа является одновременно и словом, глагольная же основа, как правило, всегда имеет окончание. По существу, основа глаголов — всего лишь умозрительное представление грамматистов⁷⁸. Самостоятельно она употребляется лишь во втором лице единственного числа повелительного наклонения. Однако не исключена возможность того, что и здесь когда-то произошло какое-либо сокращение. Во всех остальных случаях глагольная основа снабжена одним или несколькими суффиксами спряжения.

§ 48. О понятии „Verba finita“

Глагольные формы, выражающие понятие лица („я“, „ты“, „он“ и т. д.), в индоевропейских языках именуется личными формами (Verba finita). В алтайских же языках это определение, в широком смысле слова, может быть применено ко всем тем глагольным формам, которые указывают на законченность предложения⁷⁹. Глагол в алтайских языках являлся и является в личных формах совершенно безличным. Стоящее перед глаголом личное местоимение, так же как и любое другое имя, по существу, должно быть понято как специфицирующее или ограничительное определение к глаголу, даже если он является именованным. Это исконное, но и поныне существующее основное положение сохранилось во всех языках алтайской семьи, кроме тюркских, которые, идя в данном случае по тому же пути развития, что и индоевропейские языки, имеют личные формы спряжения. В монгольском языке афигирование личных местоимений находится еще на самой начальной стадии развития (то же и в бурятском и в калмыцком), едва ли многим дальше оно продвинулось и в тунгусском языке. Корейский язык не знает этой тенденции совершенно.

§ 49. Повелительное наклонение

В монгольском и в тюркских языках повелительное наклонение окончаний не имеет, так же как в тунгусском и корейском, однако в этих последних языках нередки случаи образования повели-

тального наклонения и с помощью особых окончаний. Примеры: уйг. käl „приходи!“, kät „иди!“, sal „продай!“, монг. jabu „иди!“, ĩre „приходи!“, gar „уходи!“, ög „дай!“ и т. д. Примерами повелительного наклонения без окончаний являются маньч. joo „иди!“, ĩe „ешь!“ и некоторые другие: кор. ĳe-bo „гляди сюда! алло!“, ĳi o „пойди сюда!“, ĳibe ga „иди домой!“

Тюркский язык с древних времен знает и другую форму повелительного наклонения, которая характеризуется окончанием -ŋ: др.-тюркск. taşuquŋ „выйди! выйдите вон!“, ĳiĳikŋ „войди!“, boluŋ „будь!“, язык Ну tailikaŋ „выйди воп!“, tutaŋ „держи! (хватай)“. Этот -ŋ является, вероятно, тем же элементом, который в монгольском языке проявляется более самостоятельно в форме -öŋ: sūŋga — sūŋgaöŋ „посади его (ср. р.), попроси его сесть“ (Monguol Gr., стр. 104). К этой же категории относится также чув. an (запретительная частица) от *eŋ негативного глагола *e-. От этого императива на -ŋ в тюркском позднее образовалось множественное число на -ŋuz, например: boluŋuz „будьте!“, имеющее значение boluŋ-siz.

Дать определенное объяснение тюркскому повелительному наклонению на -kiŋ, -quŋ представляется затруднительным, так как его показателем здесь является либо древняя частица (со значением примерно „же, все же“), а может быть, и древнее окончание; тунгусский язык имеет, для передачи того же значения, окончания -kaŋ, -keŋ, а корейский язык -keŋa. Его толковали так же, как повелительное наклонение от quŋ- „делать“: aŋuŋ „возьми же!“, kälgiŋ „приди!“

§ 50. Образования повелительного наклонения в корейском языке

Бессуффиксальное повелительное наклонение в корейском языке, как слишком категоричное и невежливое, вынуждено было уступить место другим, более умеренным „формам приказа“. Наиболее категоричными из них являются первичные перфектные образования, например: роа „смотри!“ (< „посмотрел!“), ĳeŋ „дай!“ (< „дал!“), которые могут быть осложнены частицей -га (~ тюркск. -la): роага, ĳeŋга и т. д. Если же исходной формой для образования повелительного наклонения служит будущее время, характер повеления смягчается и приобретает скорее характер изъявления, т. е. просьбы или совета. В частности, функцию такого повелительного наклонения выполняет причастие будущего времени на -kaŋ (~ тюркск. -ŋai), например: ĳelge „чтобы открыть, для открывания, открой, пожалуйста“, oge „чтобы прийти, приди, пожалуйста“, ikke „чтобы было, будь, пожалуйста“ и т. д., но и к этой форме присоединяется в качестве аффикса упоминавшееся выше -га, например: ĳelgeга „открой!“, ikkeга „будь!“, kageга „иди!“ Представляется, по-моему, удачным допущение, что именно это -keŋa (< первонач. -kaŋ и -la), поскольку оно является в достаточной мере древним, появляется в тюркском в виде -quŋ, -yuŋ, а в тунгусском языке — в виде -kaŋ.

Общим для всех алтайских языков является древнее желательное наклонение на -su.

1. *Тюркский.* Тюркск. bolsun „да будет, пусть будет“, kälün „пусть он придет, чтобы он пришел“, др.-тюркск. bolzun, bolmazun „чтобы не было, пусть не будет“. Это образование встречается во всех тюркских языках, а также в якутском, где его окончание в ед. ч. звучит как -tun, а во мн. ч. -tunar (< tun-nar < -tun-lar); в чувашском языке эта форма утратилась, а в употреблении вошло повелительное наклонение факитивного глагола на -tur; чув. ruŋdar- < boltur- „заставить быть; сделать, чтобы стал“⁸⁰.

2. *Монгольский.* Монг. bolsu „если бы это все же было, желательно, чтобы было“, idesü „желательно съесть“, могол. idasun idesü „желательно прийти“, могол. irasun и т. д. Эта форма употребляется, собственно говоря, для всех лиц*⁸¹, но понимается чаще всего как третье лицо. В тех же случаях, когда имеется в виду первое лицо, она связывается с энклитическим местоимением bi „я“, bida „мы“; ükübesü üküsi hi, калм. ükēsö üküsi-w „если мне суждено умереть, я хотел бы умереть“. От глагола -a „быть, оставаться“ получилось -asu „чтобы было (да будет)“, а формы условного наклонения на -basu, -gasu (bolbasu, bolubasu, bolugasu, bügesü и т. д.) следует толковать как сложные образования, составленные из прошедшего совершенного (Präteritum Perfekti) на -ba (§ 65) или настоящего-будущего (Präsens-Futurum) на -i, -ju (§ 57) и этого же asu. Эмфатический гласный конечного слога -ai уже в древнейшем языке присоединился к суффиксу -su, и потому мы находим в монгольской литературе написание -sugai, -sägei (монгк. -su'ai), что соответствует устному -sä, sē, например: монгк. bolsu'ai, в письменности bolsugai „я желаю“ или „я желал бы быть“ или „чтобы это было бы“; халх. bolsā, бурят. bolhai, boluhai, калм. bolsā-w „я желал бы стать“. Встречающийся наряду с bolsā, idesā тип (халх., бурят.) bolösā, idēsā является, по-видимому, новым образованием и может, пожалуй, рассматриваться как производенный по аналогии с ükübesü, bügesü (т. е. современное ükēsü, bēsü).

3. *Тунгусский.* Тунг., например, маньч. bisu „да будет, было бы“, oso „стало бы“; гольд. ĳiĳisu su (Грубе, стр. 14) „поглядите-ка“, si gasu, gasu si „возьми ты, ты бы взял“, si bisu „умри“ (Петрова, 114). Суффикс -su, через -hi, дал современное гольд.-ц, например: holau „читай“, eŋeu „иди“, eŋeusu „идите“. Впрочем, это образование встречается в тунгусском языке довольно редко.

* Существует взгляд, что монгольская форма желательного наклонения на -su, например: bolsu „я хотел бы быть“ и т. д., употребляется только для первого лица. — Прим. П. Аагто

4. *Корейский*. Кор. -sai > -se, -si — наиболее употребительное окончание желательного наклонения, например: kase (в письм. ka-sai) „я хотел бы пойти“, „он пошел бы“, „давайте пойдём“, „они пошли бы“; mekse (письм. meksai) „я поел бы“, „мы поели бы“ и т. д. От страдательных и других второобразных глаголов эта форма желательного наклонения еще более употребительна, так как ей отдается предпочтение как форме учтивости; kapse „было бы пойти, давайте пойдём“, kasise „вы, может быть, соблаговолите пойти“, kasipse (то же); с добавлением ida „быть бы“ (древн. *wi- „дабы“) также и kaseida (kasēda, kasīda), kapse ida (kapsēda, kapsīda), kasipse ida, kasise ida и т. д. Окончание -sai (ныне произносится -sā, -se) фонетически восходит к *sai или *sui, и его тождественность с тюркск., монг. -su, -sup очевидна.

§ 52. Прочие глагольные формы являются именами

Обе только что рассмотренные категории словообразования внутри спряжения являются, пожалуй, единственными действительно постоянно глагольными формами. Все прочие глагольные формы, которые служат в различных алтайских языках формами сказуемости или временными образованиями, т. е. выражают наше изъявительное наклонение, являются исторически (а чаще всего и по выражаемой ими идее) лишь разновидностями глагольных имен⁸². Ниже будут выборочно перечислены наиболее употребительные в различных языках глагольные имена, относящиеся к современной живой парадигме спряжения.

§ 53. Суффикс -г. Причастие будущего времени. Аорист

В каждой из четырех языковых групп легко распознается отглагольное прилагательное с окончанием -г, имеющее значение будущего или настоящего-будущего времени:

1. *Тюркский*. В тюркском -г, -иг, -аг суффикс (турецкого) аориста; глагольное образование на -г с давних пор и ныне употребляется в предложении как в качестве самостоятельного существительного, так и в качестве дополнения или сказуемого. При основах на согласный употребляется, как правило, окончание -иг, и только в тех случаях, когда основа представляет собой исконную основу на -а-, встречается окончание -аг (например, тюркск. suq-ag от тюркск. suq-; монг. siqa- „сжимать“). Позднее образования по аналогии привели к более широкому распространению этого -аг, но в этом вопросе и по сей день царит известная неясность.

С другой стороны, послесогласное окончание -иг в приложении к основам на гласный образовало окончание -иг, например bašla-ig наряду с более древним bašla-г от bašla- „начинать“⁸³ (ср. др.-тюркск. tig mǎn „я говорю, я понимаю“, но др.-тюркск., уйг. jejiŋ „ест“). Примеры: др.-тюркск. olugur „сидя,

сидит“, qazyanur „выигрывает“, kälür, kälir „приходит, проходящий“, jaša-ig „живет“, te-г „говорит“; уйг. turur „стоит“, bolur „становится, есть“, qulur „делает“; тув. udür (< udu-ig) „спит“; чаг. qajna-ig, qajnar „кипит“; караг., койб. ojnar, ojnur „играет“ (< ojna-ig); узб. bärär, bärir „даёт“, ašar, ašur, ašur (ср. гольд. ašur- „освободить“) „открывает“; якут. siŋ „кушая“ (< *je-jiŋ к *je-, якут. siä-).

Во многих языках дательный падеж стал „инфинитивом“, например: alurğa, alarğa „чтобы взять“, kälirgä, kälärgä „чтобы прийти“, tuturğa, tutarğa „чтобы держать“. Причем этот инфинитив имеет зачастую окончание -arğa, тогда как окончанием причастия является -иг, -иг. Встречаются также и другие падежные формы, например: bilärlärgä bilär söz „слово, которое следует знать знающим“, ğaq kälärdä „когда придет время“; койб. bolurdan „после бытия“; тув. polurup (инструктивный падеж) „будучи“ (ср. монг. bolurup).

Причастие на -г в функции сказуемого издавна употреблялось с энклитически присоединенным местоимением, например: (mǎn) kälür mǎn „я (есмы) проходящий, я прихожу“, (sǎn) kälür sǎn, (biz) kälür biz, (siz) kälür siz, которые позднее, под ударением, слились в: kälürmǎn, kälürsǎn, kälürmiz, kälürsiz; ol kälür ol „он приходит“, напротив, приняло форму ol kälür⁸⁴, и от нее в качестве формы мн. ч. было образовано olar kälür, позднее olar kälürlär или просто kälürlär; тур. gelir-im (вместо gelir-mǎn) представляет собой свежий тип образования и опирается на аналогию с geldim и т. д.⁸⁵

Глагольные формы turur „стоит“ и jatur, jatar „лежит, присутствует“, подобно герундию на -а, проделали особый путь развития и вызвали к жизни современные формы настоящего времени (тур.) dur (dir, dur, dür) „есть“ (от „быть“); тел. -jat, койб. -ğat, туркм. -jar, тур. -jog [тур. vārır „даёт и) будет давать“, vārıjog „даёт“]. Слово -durur > -dur (> -dur) „есть“ дало в дальнейшем в результате стяжения -du, -tu, например: тар. boladu „он будет, он есть“; казах. boluptı „было“ (< bolup „бывши“ + -tu). В чувашском языке энклитика в конце концов развилась даже в -t (чув. pulat „есть“ < bola-tur)⁸⁶.

Соответствующая отрицательная форма спряжения имеет окончание -maz, -māz, которое восходит, по моему мнению, к слиянию имени на -m с вспомогательным глаголом -äg, имеющим причастную форму будущего времени ägür (тунг. egi- „жить, дышать“). Так как гласный этого вспомогательного глагола (тюркск. äg-) являлся гласным переднего ряда, то первоначальный -г- после слов с гласными заднего ряда претерпел смягчение в -ġ (ныне -z); таким путем и образовалось окончание -maz с вариантом -māz. Это -maz, -māz перешло затем в различных языках в фонетически закономерное -mas, -bas, -pas, якут. -mat, -bat, -pat и т. д.⁸⁷

2. *Монгольский*. В монгольском языке сюда относятся -га, -ига -- окончания „супина“ — и -гип, -игип — окончания деспричастия подготовительности (Converbium praeparativum) монгольского

литературного языка⁸⁶; эти окончания представляют собой формы дательного и инструктивного падежа причастия на -г: bolura „чтобы быть“, irege „чтобы прийти“, abura „чтобы взять“, kelegc „чтобы сказать“; bolurun „стаповясь, стал и...“, ügülegün „говоря, сказал и...“, jaburun „идучи, пошел и...“. В литературном языке древнейшего периода это десипричастие употреблялось также в родительном падеже: jaburun qojina „после хода (хождения)“, bütügerün bujan, букв. „добродетель завершенности (совершенства)“ и т. д. (АМ, I, стр. 673). Впрочем, это окончание -г встречается очень часто в отдельных монгольских именах: andagar „клятва, присяга“ (andaga- „давать клятву“, anda „побратимы“, тюркск. ant), öñür „многочисленный (о семье)“ (ср. тюркск. öñ- „расти“), монг. öñdär „высокий, высота“ (ср. монг. öñdö-jü- „возвышаться“); монг. qačir „мул“, тюркск. qatır (то же) к тюркск. qat- „смеливать“; монг. bužar „грязь“ (> тел. руjar) к монг. buža- в слове bužagai „грязный“; монг. gulir „мука“, возможно, к кор. kar- „молоть“; монг. qažigir „кривой“ к qažiji- „искривляться, скручиваться“ (< qažigi-) и т. д. Подобные обособленные от глагола имена встречаются часто и в тюркском. Монгольские слова, чаще всего — прилагательные, с окончаниями -tur (sajitur), -sar (žabsar, hujasar > ösar „завязка (?том)“, -čar (kökečer „синеватый“) и -gir, -gar (obagir, obagar „высокий, острый“), являются, вероятно, древними -г-овыми отглагольными образованиями.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке в причастиях со значением будущего времени имеется как -г, так и -га; этот -а является, вероятно, адъективным суффиксом -ai. Окончание причастия на -gi, -ri, употребляющегося как соответствующее существительное, содержит в себе неопределенное местоимение -i „что“, „что-либо“ (см. выше, § 46). Примеры: онкор.-сол. xoninno wär „овцу нужно заколоть, овца (вин. п.) для закланья“, wär xonin „та, чтобы закланной быть, овца“, žipter imer joutu bisii „поесть-попить что-нибудь имеется?“, esim sar „я не знаю“ (sa- „знать“), esis sar „ты не знаешь“; гольд. sar ru, sar fu „мы знаем“, sar-ası-fu „мы не знаем“; тунг. sagi „знающий, ученый“; hawalli (< hawal-gi), hawal-žari „трудящийся“; тунгБ. gupnigi „так называемый (названный)“ (< gup-ni-, страд. залог. от gu-и- „говорить“). От (кор.) слова kes „предмет, вещь“ (см. Rainstedt, Kor. kes, стр. 9—), давшего в результате стяжения -ki, -k, произошло сол. -rk, являющееся окончанием условного наклонения и одновременно окончанием будущего времени, например: сол. bi bur-ku „я дам, если я дам“, собственно говоря: bi „я“ + bur „чтобы дать“ + -k- „предмет“ + -и „мой“; si burkis „ты должен дать, если ты дашь“, burki „дадут“, burkini „он даст (когда), если он даст“ и т. д. Тунгусское условное наклонение на -га-к- (негид., ороч. -jak-) включает в себя, таким образом, также и -k- < kes: негид. goloktojini (< gelekte-reki-ni) „как и он тоже ищет (старается)“, тунгБ. gupnegin (< gupnegin < gupn-de-kin „как он говорит (как только он скажет)“. В гольдском и маньчжурском языках -га, -ге встречается в качестве окон-

чания причастия будущего времени: маньч. ubade bisu, bi genere „будь ты здесь, я уйду“, bi genere de „при моем уходе“, genere nijalma (~ñalma) „ходящий (ходок)“.

4. *Корейский.* В корейском языке окончанием причастия будущего времени являются -i, -il, -ai. Причастие на -г, нынешнее кор.-кор. -i, представляет собой одну из наиболее употребительных форм глагола. Значение его — либо совершенно неограниченное временное, либо — будущего времени; в последнем случае оно выражает логическую противоположность причастия на -i, которое воспринимается как прошедшее совершенное, например: megil ttä „время приема пищи (обеденное время), время для еды, когда едят или поели“, megil rap „рис для еды“, megil sarım „человек, что будет есть“, pol sarım „тот, что увидит“ или „тот, который будет увиден“ (букв. „видение-человек“), pol-il (pol-il) „чтоб видеть, вещь (для видения вещь), надлежащее дело“ и т. д. Перед вопросительной частицей -ka этот -г утратился, например: ikka „есть ли это?“, древнее irkka, ir-ka (< i- „чтобы быть“ < *wi-, тунг., монг. bi- „быть“), megilke наряду с megilkke „пусть ест (может есть)“, древнее megil ige (ige древнее wi-kei „да будет, было бы“) и т. п.

§ 54. Суффикс -gai. Будущее желательное наклонение

Эта форма, образованная от глагольной основы при помощи окончания -gai (~-gei) с вариантом -ga (~-ge), особенно легко распознается в тюркском и в корейском. В соответствии с законами фонетического развития тюркских языков следовало бы, взамен имевшегося в исходе -ai, -gai, ныне повсюду ожидать в окончаниях формант -a, -ya, но наряду с ним во многих диалектах встречается и -yaj (Катанов, стр. 619).

1. *Тюркский.* В тюркском имеются два различных отглагольных типа образований с -yaj; один — с значением отглагольного прилагательного, другой — с значением будущего желательного наклонения. Отглагольными прилагательными являются, например, др.-тюркск. bilgä „знающий, мудрец, правитель“ (якут. bil- „управлять, устанавливать“); уйг. ögä „умник“ [ö- „уметь, знать“, ögür- „обучать, советовать“, ögüt (< ögür-t) „совет“, ög „ум, разум“, ögrä-n- „учить, изучать, учиться“, ögrä-t- „обучать“]; алт., казах. qysqa „короткий“, тур., азерб. qusa (то же) (qys-, монг. kisa- „сжимать“); алт. juvqa, тур. jüqa, др.-тюркск. jüqa „тонкий, нежный“ (< juv-, кор. sob- „быть узким“, čorkai „чтобы быть узким, тонким“); уйг. tutya „рукоятка меча“ (tut- „держат“), kaska „разбитый“ (kas- „ломать, отрезать“) и т. д.⁸⁷

Для передачи значения будущего желательного наклонения употребляется окончание -ya, а также -yaj; например: карагас. bol-gaj-män „я хотел бы быть, чтобы я был“; койб. bolaj-män (то же); алт. bolgoj, тат. bulgaj „да будет!“ Обозначение лица передается через сказуемое (стало быть, не посредством притяжательного суф-

фикса), однако зачастую в стяженной форме: алт. ičkäjim (< ičkäj-
šän) „я хотел бы попить“, kälğäjin „ты мог бы прийти“; тур.
ola-ш „я хотел бы быть“, vaга „пошел бы“; уйг. quyaш „я хочу
это сделать“; тур. quyam (то же); уйг. quya „он сделал бы, он
смог бы сделать“ и т. д. В чувашском языке это образование
появляется регулярно при спряжении формы на а:1 л. повелит.
накл. rula-ш „чтобы я был, я хотел бы быть“ (< *bolya-ш), rula-г
„мы хотели бы быть“ (< *bolya-bir)⁹⁰.

С точки зрения психологической весьма любопытно, что это
значение желательности, возникшее вследствие присоединения
форманта уменьшительности, очень рано стирается и становится
умереннее; -aq в казах., кирг. bolajaq-руп, bolajaq šän „я (немного)
хотел бы быть“, карагас. bolajyq „он (охотно) был бы“ и т. д.;
-čaq в койб. bolğajjaq, тур. olažaq „(он, оно) может быть“, тур.
olažaqsyn „ты будешь“, olažayum „я был бы“, или „я охотно буду“;
якут. bysuaxrup „я буду резать“, buoluoxrup „я буду“ (< byčga'-
aq, bolga'-aq), где окончание -уах < -gaj-aq тождественно оконча-
нию в карагасском языке⁹¹.

При помощи окончания -li (см. § 12) тюркские языки образо-
вали от этого будущего времени форму на -yalу (часто встреча-
ющуюся в др.-тюркск., уйг., чаг.), эквивалент которой существует
в тунгусском языке, например: уйг., ср.-тюркск. bağaly „чтобы
идти, долженствующий идти“, ölgäli „чтобы умереть, желающий
умереть“, ärkäli „чтобы быть, желающий быть“, tutaly, bolaly, kel-
gäli и т. д.⁹²

2. *Монгольский.* В монгольском, правда только в халхаских
и бурятских народных сказках, встречается желательное накло-
нение типа bolgai, abqai, iregei (irekei), не нашедшее, однако, на-
сколько известно, подтверждения в литературном языке*. Но
в языке имеется вполне общепринятая форма повелительного
наклонения третьего лица с окончанием -tugai (~tügei), например:
монгк. ba'utugai „он мог бы спуститься, пусть спустится“, ögtü-
gei „пусть бы он дал, дали бы“, монгл. boltugai, bajitugai, калм.
boltūā, bātūā, калм. bitšā (< bütügei, *bitügei). Это повелительное
наклонение на -tugai следует, вероятно, толковать как желатель-
ное наклонение на -gai, произведенное от продуктивной в тунгус-
ском языке второобразной основы на -tu-, -t- (см. § 80); от этой
осложненной основы образована также форма повелительного на-
клонения 2 л. мн. ч. на -tup.

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке первоначальное -gai сле-
довало бы ожидать в форме -ga, -gā. Можно полагать, что это
то мы и находим в окончании 1 л. мн. ч. повелит. накл. -gā-t
(~gē-t) < *gai + tti (Василевич, Гр., стр. 45), например: (mit) il-
gat „встанем-ка, давайте встанем!“, gunigēt „скажем-ка!“, ičetkēt

„давайте проследим! проверим-ка!“ (iče „смотреть“, iče-t- „точно
посмотреть, проверить“, ср. монг. -tu-gai) и т. д. Здесь же сле-
дует назвать образование с окончанием -kālī, -gālī; būkēli gōlam
„прошу одолжить“ [bū- „давать“, būkēli „(с тем), чтобы отдать
(обратно)“]; оно хорошо соотносится с тюркским -yalу.

В тунгусских образованиях формы повелительного наклонения
наряду с окончанием -ki существуют еще окончания -ka, -kā
(~ -ke, -kē), которые, вероятно, представляют собой формант же-
лательного наклонения -gai, -kai, например: ginilkē-sūp „вы хотели
бы покачаться“ (кор. kīnī „качели“), kotrilkō-sup „вы будьте чер-
ныс“ (Мат. эв. ф., стр. 141) и т. д.

4. *Корейский.* Одна из наиболее употребительных в корейском
языке глагольных форм — форма на -kai~kei — является деспри-
частием будущего времени (Converbum futuri) (Kor. Gr., § 179)
и одновременно формой просьбы (прекатив). Как и в тюркском,
это окончание встречается также в отглагольных именах, главным
образом в „именах орудийности“ (nomina instrumenti): pal-gai
„крыло“ (palda „летать“, тунг. па-), čigei „рюкзак“ (čida- „носить
на спине“). Сюда же, по моему мнению, относятся и отглаголь-
ные имена на -ai~ei, имеющие аналогичное значение.

Прекатив на -kei, осложненный частицей -ra (тюркск. -la), дает
„смягченное“ повелительное наклонение, например: jelge „пожа-
луйста, открой!“, jelgera „открой! откройте!“, oge „пусть он при-
шел бы, пожалуйста, чтобы пришел!“, parami oge minil jelge „по-
жалуйста, открой дверь, чтобы ветер мог проникнуть сюда!“, ikke,
ikkera „будь!“, kagera „иди!“

С помощью глагола isi-, issi-issi- (< *wi-si-), утратившего в
безударной позиции гласный основы i-, в корейском языке было
образовано будущее время изъявительного наклонения на -kess-
(-gess-, -khess-), диалектное -käss- (-gäss-, -khäss-), -kass- (-gass-, -khass-)
(см. Kor. Gr., § 131). Фонетические колебания в окончании и
преобладание звука -e- имеет основанием диалектные варианты
стяжения звукового комплекса -gai-i~gei-i-.

§ 55. Суффикс -qu, -qui. Имя последования (Nomen futuri)

Глагол с этим окончанием выражает действие (конкретное
или абстрактное) либо незавершенное, либо предстоящее.

1. *Тюркский.* В тюркском имя на -qu (~gü) в древнем языке
было довольно популярно и применялось весьма разносторонне.
В языках же более позднего происхождения его можно обнару-
жить главным образом в словах, унаследованных из древнего
языка, например: ölgü „умирать“, ölgülik, ölgülük „смерть“, ölgü-
lüg, ölgülig „смертный“; tutqu „держат, хватать“, tutquya „для
того, чтоб схватить, для схватывания“, tutquda „в схватывании,
хватая“; qutadyu bilig „знание (умение) быть счастливым, наука
стать счастливым“; ičkü „питье, напиток“; ant ičkü „пить клятву
побратимства“ (> венг. eskü „клятва“); уйг. uduqu „спанье, сон“.

* Некоторые исследователи отмечают, что формы желательного накло-
нения, подобные bolgai, abqai, iregei, ни в литературном монгольском, ни в
халхаском не засвидетельствованы. — Прим. П. Аалто.

тур. ujuq, тат. jəqə, казах. ujuqı (то же), отсюда тур. ujuqla, казах. ujuqla-, тат. jəqəla- „спать“; уйг. qolıuçu „лицей (попрошайка)“ (qol- „просить“, монг. golu- „быть недовольным, хулить“; тунг. gūli- „шаманствовать, поклоняться, приносить жертву“); уйг. qulıuçu „десятель, изготовитель“ и т. д.⁹⁵

Имя на -gu приобрело также конкретизирующий смысл и стало применяться главным образом для обозначения орудия действия ср.-тюркск. qugı „резец“, buçu „нож“; кирг. suzu „черпак, ковш“ (кирг. suz- „черпать“), sürgü „рубанок (струг)“ (sür- „строгать“); в этом употреблении оно было осложнено суффиксом -č (=кор. -č-aci), а затем получило более четкий вид в обобщенном окончании -guč (тунг. -gič, -git): suzuč, sürgüč; ср.-тюркск. buçuč „нож“, basıuč „лестница“, qusuč, qusıuč „щипцы, клещи“; кирг. açqu „ключ“ (букв. „отмыкатель“); казах. ölşäü „масштаб, мера“ (ölşä- „измерять“ < ölčä- от *ölüč „мера, доля“)⁹⁶.

В тюркском очень приняты фреквентативные глаголы на -qu-la -qu-la- (монг. -kila-).

2. *Монгольский.* В монгольском языке суффиксом имени последования является -qu, -qui, -qip⁹⁵. Наряду с ним были приняты (особенно в древнем языке) варианты -gu, -gui, -gip; монг. üküü „для умирания, смертный“; монг. otelgu, toregu, gejiü и т. д.; так же и в монгол. (Monguor Gr., стр. 116).

Установить различие функций этих трех вариантов форманта затруднительно, но все же можно сказать, что формант -qui употребляется большей частью с самостоятельными существительными или же с прилагательными в единственном числе, а -qip употреблялся как форма множественности (в древнем языке — исключительно) (см. Множественное число на -n-, § 26); монг. бүкі „бытие, существование“, бүкіидүр „в бытие (в течение) существования“, аqip sensingüid „пребывающие (там) даосисты“ и т. д. В современных диалектах окончание имеет обычно форму -х (~/-ш, -х, зап.-монг. -ху~/-кү, -кэ). Различные падежные формы служат в качестве самых обыкновенных деепричастных образований: халх. аwхуиä „беря, при взятии, как только берет“, аwхуиä „когда берут, чтобы взять“; калм. іrkäläгп „когда я брал, как только я взял“, огуолäгп „когда он входил, лишь только он вошел“; бурят. абухија „чтобы взять, к взятию“ (= -а дат. II.)⁹⁶.

Окончание второго лица мн. ч. повелит. накл. др.-монг. -dхui так же как и окончание желательного наклонения (или 3 л.) и -tugai, возникло из вторичной глагольной основы на -tu-, -t- в качестве окончания ед. ч. здесь могло употребляться также -dхui; бурят. baigtui (< baitхui) „будьте!, будьте Вы!“

На древних производных образованиях базируются слова того рода, как, например, amigulaq „мир, мирная обитель“, baasqulaq „радость“, ösküleq (> казах. ösküläq) „плодородный, плодородие“ и т. д., где -laq соответствует тюркск. -laq, -laq и кор. -gaq, -gä в слове paqä „земля, страна, государство“.

3. *Тунгусский.* При условии, что в тунгусском языке архаическое -gui~/-kui дало -gi~/-ki, здесь можно думать и об южно-тунгусском -gi, являющемся окончанием повелительного наклонения в маньчжурском и гольдском: маньч. anagi-ni „чтобы он толкнул, пусть он толкнет!“, гольд. enegi-sup „идите!“

С тюркск. -yü-č (см. выше) соотносится тунг. окончание -kit (мн. ч. -kičil), которое применяется для называния орудия действия или местоположения: тунг. hürgükit „мельница“ (hür-gü- „размалывать, растирать между камнями“, монг. üre-, ürü-, тюркск. az-), tatkit „школа“ (tat- „приучаться, учиться“, тат. tatymal „приученный“), bi-kit „жилище“ (bi- „быть“), in-kit „местопребывание, стойбище“, mülgkit „место водоснабжения, колодец, ручей“, akkit „место высадки на берег, место назначения“ [ag- „достигать, прибывать“, монг. aji, ср.-тюркск. aγul, зап.-тюркск. aul „место жилья, стойбище (селение кочевников)“], ajitkit „больница“ (ajil- „излечивать“, aja „хорошо“; монг. aja „согласие, соглашение, приличие“; тюркск. qol-aj „удобный, легко выполнимый“), žerkit „еда, место питания“ и т. д.

4. *Корейский.* Корейское имя действия на -ki (-gi, -khi), исконное -kwi < -kui, обозначает самое действие в грамматической форме существительного: o-gi „приход, прибытие“, ro-gi „видение, смотр, модель“, pa-gi „выступление, выход, продукт“, mekki „еда (продесс еды)“, mekkie čosso „полезное для еды, вкусное“, mekkito „с едой, благодаря еде“, mankhi „множество, большое количество“ (< manh-ki) и т. д.

§ 56. Суффикс -n, -in. Причастие прошедшего времени

Глагольная форма, в которой мы находим окончание -n (после гласного -n, после согласного — соединительный гласный + n), относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более сильно или менее сильно выраженным перфектным значением.

1. *Тюркский.* В тюркском многие такого рода слова древнего происхождения sporadически становились существительными: уйг. aqun „течение, штурмовой отряд“ [aq- „литься, течь“, монг. aki- „истекать“ (о времени)], satun „торговля“ (sat- „продавать“, кор. sa- „покупать“), kalin „невестка, сноха“ (?käl- „приходить“), qaçun „отлив (морской)“ (qaç- „избегать чего-либо, убежать“, монг. gaci-gda- „être pressé, être éprouvé par des malheurs“), bitün „весь, полностью, совершенно“ (bit- „совершаться, расти“, монг. bitü- „se former“), bulun „военнопленный“ (bul- „находить“), ojun „игра, развлечение, увеселение“ (монг. ožo- „любезничать, целовать“), buqun „нос“ (buq- „обнюхивать“, *büg в кор. pugi, гольд. bugi „нос“), uzun „длинный“ (uz-a-t- „удлинять“, монг. ur-tu „длинный“)⁹⁷.

Такие слова встречаются в тюркских языках и позднее, но прилагательное на -n как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, перестало встречаться уже в древне-

тюркском языке; это, может быть, объясняется тем, что ту функцию стало выполнять образование на -gaп, иначе говоря, на -п от вторичной глагольной основы на -ga- (§ 70). Тем не менее в чувашском языке причастие на -п продолжает существовать и поныне, хотя там оно, как, впрочем, и многие другие слова, осложнилось в именительном падеже кратким конечным гласным, например: ruññ „бывший, ставший“ (<bolun), iññ „взявший“ (<alun), jaññ < jaññ „пославший“ (<udun), paññ „давший“ (<gin) и т. д. (у Рясина — иначе).

Деепричастие настоящего времени на -п~-ап заимствовано якутским языком из монгольского (бурятского языка или еще ранее?) и обобщено (Ястремский, § 322). Образованное тем путем слово багап имеет значение соответствующего перфекта olāp „умирая, находясь при смерти“, olāp багап „умерши, после смерти, после того как умер“; монг. бага- „подходить к концу, заканчивать“, бага-гап „не имея никаких средств, бедственно жалко“⁸⁸; тюркск. ба-г- „куда-нибудь направляться, отправляться к...“; тунг. ба-ргі да „противоположная сторона“ <*ba.

Относительно суффиксов -gaп и -gip см. § 70 и 71.

2. *Монгольский.* В монгольском языке старое причастие тепе существует в качестве модального деепричастия, но примеры единичны⁸⁹; qarip „но, все-таки, однако же“ (qarip- „возвращаться“); qarigip „ответ, воздаяние, месть“; тюркск. qar-yš- „оказывать сопротивление“; тунг. karip „все же, неожиданно“; монг. gar „свыше, превосходяще“ (arban garip nasutu „в возрасте свыше десяти лет“, gar- „выходить“; кор. ka- „идти, ходить“; тунг. -g в тунг. karip-ga- „ломаться, разлетаться в куски“), ogcip „вокруг, окружение, окрестность, кружась, скрутившись“ (ogcip- „кружиться“ <*rog-ii-; маньч. fogo-, тунг. fogo-i- „кружиться, вертеться“; шогуу, oгау „пеленка“); dakip „опять, вновь, again“ (da-ki- „повторяться“; тюркск. taqu > taqu, taqu, тур. daha „опять, еще“).

В монгольском языке древнего периода это имя на -п- являлось еще весьма распространенным прилагательным, которое в функции сказуемого употреблялось и во множественном числе: ja'u igileci „что ты говоришь?“, ja'u igiled ta „что вы говорите?“, te igiled je „те говорят хорошо“.

Из этого причастия на -п- путем присоединения к нему аши аши „есть (является)“ язык образовал часто встречающееся теперь в литературе настоящее время на -пам: bainam „есть, остается“ < bajin аши, igenem „приходит“ < igen аши и т. д. Представляется, что точно таким же путем — путем стяжения -п с аји „есть (является)“ должно было возникнуть и преобладающее ныне настоящее время на -pai~-pā, па, если только здесь не сыграло роль обычное в конце предложения удлинение конечного гласного; следовательно, jabun аји > jabunai и jabun-ā „идет“; ср. jabuba > jabubai ~ jabubā или jabuži > jabužā, монгл. jabuži > jabuži ui ~ jabužigui ~ jabužiqui.

В результате сочетания с глаголом ge- „говорить, полагать, намереваться, обозначать“ калмыцкий язык получил окончание -ge-, служащее для образования глаголов с модальностью намерения (ингессивных глаголов); монг. jabun geүш „полагать идти“, букв. „я иду говорить“; калм. jowuḡgeḡm, jowuḡgeke „намереваться пойти“; suḡgewä „он сажался, он собирался сесть, хотел сесть“ (säḡu „сидеть, садиться“)¹⁰⁰.

Глагольное имя на -п встречается иногда и с возвратным суффиксом; ордос. jawunap „à la longue“. При выполнении им обычной своей функции — функции деепричастия — ему иногда придается в сказках и былинах уменьшительный суффикс -qap; халх. ерзәлэүлэп törсöп „родившись для царствования“. При помощи адъективного суффикса -qai, -gai от глагольного имени на -п образуются прилагательные: tигиḡḡai „худой“, есеḡkei „усталый“, тилеḡkei „сгоревший, опаленный“ и т. д. Здесь же следует упомянуть и суффикс -ki: халх. ḡa't'aḡḡi „усохший, засушенный, худой“ (> казах. qataḡqu).

Следует еще заметить, что так как конечный -п перед отыменным словообразующим суффиксом -la- выпадает (qurcip „скоро, быстро“, qurdu-la- „спешить, бежать“), он выпадает в данном случае и в древнем глагольном имени на -п; поэтому наряду с первичными глагольными основами язык имеет также и глагольные основы на -la- со значением длительно повторяющегося действия: daru- „принуждать“, darun „принуждающий, преследующий“, darula- „(беспрерывно, порою) принуждать или преследовать“, darulan „друг за другом, один за другим“; muski- „свертывать, скручивать“, muskila- „непрестанно, мало-помалу свертывать, все свертывать и свертывать“ (например, белье).

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке отглагольное имя на -п уже на очень раннем этапе стало в именительном падеже совпадать с именем на -m в силу того, что -m в исходе конечного слога закономерно давал звук -п; монг. qurip „званный пир, свадьба“ = тунг. kurip (Василевич, Сл. I, 121). Вероятно поэтому, например, в тунг. hūḡtūḡin „перемена, изменение“ (hūḡtuḡi- „делать иначе“), dukip „письмо, писание“, dukiwun „написанное“ и в маньч. аса-п, аса-бу-п „место встречи“ мы имеем не -п, а -m. Вопрос о том, какую из этих форм надо считать исторически первичной, остается неразрешенным, поскольку в древнетюркском существует, например, ākip наряду с ākim „пашня, поле“, satun наряду с satun „торговля“, jaḡun наряду с jaḡun „дождь“.

Древнее причастие на -п- мы встречаем и в первом и во втором лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: wām „я убиваю“, wāppi (диалектное wandi, wangi) „ты убиваешь, ты убиваешь в данный момент“, апам „я толкаю“, апампи „ты толкаешь“ следует толковать как wā-п, апам-п с энклитически присоединенным -w (<-wi <-bi) и -si. В третьем же лице единственного числа, а также для всех лиц множественного числа вместо этого следует предположить -ga (и -da). Следовательно,

парадигма спряжения настоящего времени в целом будет звучать следующим образом: wān, wānī, wān, wāraun, wārap, wāras wāra (wāraṭan).

Причастие настоящего времени на -па (мн. ч. -pai) представляется собой, вероятно, древнее производное образования: -па < *-n + *-ср. -г ~ -га + -ai в качестве адъективного суффикса в монгольском языке. Оно употребляется как приложение при подлежащем и при дополнении (Кастрэн, тунг., § 86) и образуется с целью акцентирования идеи настоящего времени, обычно от вторичной глагольной основы на -жа-. Таким образом, окончанием современного причастия настоящего времени является -жапа (для мн. ч. -жаpai), причастие же на -па имеет еще и перфектное значение gūnpe „(то) что он (кто-то, некто) сказал, сказанное“, gūnpe „говорящий“.

Это причастие, оформленное личными аффиксами, употребляется в значении изъявительного склонения: gūnpen „он сказал“, hūnpen „он бежал“, helinčnew „я поторопился“, helinčnewen gūnpen „он сказал, что он торопился“ и т. д. (Василевич, Сл. II, 20).

Когда это адъективное имя на -па- бывало осложнено субстантивирующим -i [первоначально i — местоимение „что, нечто, что-нибудь“ (< *je). См. § 46], возникали отглагольные образования типа bīpi „умерший“, bīpi „живущий, жизнь“, nēpi „наследство“ и т. д. (их можно, пожалуй, толковать и как -п-i). Отдельные слова, отойдя от парадигмы, утвердились в качестве прилагательных: bīne „живой“, selne „отдельный“. Причастие страдательного залога на -па (-mpe) восходит к -wu-па, -wпа: wāpna „убитый“, hogīpna „отсеченный“ (Василевич, Сл. II, 201).

Уменьшительное -па-kaп, негид. -пахап, лам. -пикап используется в качестве деепричастного образования. Гольдский язык ольча образовали посредством отыменного -si- (§ 95, ж) континуативные глаголы многократного действия (Петрова, 16): pīnpe „постоянно, непрерывно писать, быть писцом“, geleppe-si- „постоянно просить милостыню, быть нищим“, geranase- „непрерывно шагать гулять“.

Первоначальное причастие на -п-, осложнившись, так же как и в монгольском языке, адъективообразующим суффиксом -g (~-kaī), дало причастие на -ngā (~-ngō), которое часто бывает образовано от вторичной основы на -жа-. В предложении оно выступает в роли сказуемого и, следовательно, может употребляться как с личными местоимениями, так и без них, например degīl imūlžarḡalīn hutelewew imūdāwew „птицы начинают сидеть на яйцах, чтобы высидеть себе птенцов“. От данного причастия следует отличать причастие на -dīngā (тунг.-лам.), представляющее собой адъективное образование от будущего времени изъявительного склонения на -dīn, -dī (§ 61).

Употребляемое в качестве временного деепричастия -ngasi (~-ngē) должно, вероятно, быть истолковано как причастие на -ngā- в сочетании с именем si „время“ (кит.-кор. si, кит.-яп. ji „время, час“).

bīngesi-w „когда я был.., будучи“, oḡasi-s „когда ты это делал“, bīngesi-wer „когда они (сами) были (они, будучи сами...)“ (Василевич, Сл. II, 203).

Производным образованием от имени на -п- является отглагольное имя на -ḡki, имеющее значение Nomen usus, которое, будучи субстантивировано, получает также значение орудийности или локальности, т. е. обозначает либо орудие, которым обычно производится действие, либо место, где оно обычно осуществляется, например: mūng, tīreḡkiṭin, bejurdī taḡiḡkiṭin „они презирали нас и считали нас за диких зверей (дикими зверями)“; тунг. darkalaḡki „кузнечный инструмент, кузница“, eḡkiw sāre „(раньше, тогда, обычно) я не мог знать, я не знал“. Инкорпорированное здесь -ki является тем же самым элементом, который мы встречаем в тунгусском -wki (~-pki) (см. § 65). Возможно также, что исторически оно восходит к кор. kes „вещь, предмет, кусок“ и к употреблению этого слова в различных значениях.

4. *Корейский.* В корейском языке это имя на -п-, будучи образовано от глаголов действия, представляет собой причастие прошедшего времени, а от глаголов качественных — причастие настоящего времени, например: poп „видевший“ (poda „чтобы смотреть, видеть“), poп „кажущийся, мнимый“ (poda- „появляться, казаться“), meḡin „евший“ (mek- „есть“), saп „купивший“ (sa- „купить“), taп „повешенный“ (tal- „вешать, подвешивать“), taп „сладкий“ [tal- „быть сладким“; тунг. dal-di „сладкий“; тюркск. jalynčqa „свежий, пресный (о воде)“]; khīn „высокий, большой“ (khī- „быть большим“), pulḡin „красный“ (pulk- „быть красным, краснеть“), čuḡin „мертвый“ (čūk- „умирать“), saп „живший, живущий, живой“ (sal- „жить“) и т. д.

Это глагольное имя имеет очень многостороннее применение и вместе с различными существительными общего характера связывается в единый устойчивый комплекс (см. Кор. Ст., § 135, 212). Сюда же, между прочим, относится и употребление слова kes „кусок“, которое в стяженном виде дало одно -g-, например: haḡgio „сделали, сказали“ < *ha-p-kes-iwe; haḡngio „делают“ < *haḡp-kes-iwe и т. д. (ср. выше тунг. -ḡki и монг., тюркск. -ḡki, -ḡqu).

От этого причастия на -п- качественных глаголов, выполнявшего в предложении функцию сказуемого, образовалась форма настоящего времени: porhīn „высокий“, saпi porhīc „гора (есть) высокая“; kīrhīn „глубокий“, шигi kīrhīc „вода глубокая“; čōhīn „хороший“, čōhā, čōhē „хорошо“ (< tjoḡhīn-ei < tio-ha-). Таким образом, мы наблюдаем здесь удлинение конечного гласного и утрату звука -п-, как и в настоящем времени действительного залога на -nē, -nā.

В языке существовала вторичная глагольная основа на -па-, которая служила для подчеркивания активного характера действия, а также его потенциальности [ср. тунг. bīngē-п „это похоже на правду, это, вероятно, осуществится (будет)“, dukipā-п „он, должно быть, собирается написать (пишет)“; тунг. „потенциальная гла-

гольшая основа" (глагольная основа потенциальности действия). Причастие на -п-, образованное от подобной основы, заняло место в парадигме спряжения глаголов действия как причастие настоящего времени с окончанием -пап, -пип, например ропап „вилящий, глядящий“, капап „идуший“, опап „приходящий“, иппип „существующий“, роаппап (< роа + іsinip) „видевший“, рогенпап „(тот), кто увидит (имеющий увидеть), кто должен увидеть“. От него образовано изъявительное наклонение с конечным гласным: ропа „видит“, роаппа „видел“, рогенпа „увидит“ и т. д. С помощью постпозиционно-присоединенного глагола і- „есть“ (от „быть“) возникли формы настоящего времени типа онда „приходит“ (< опап іда) шедннда „ест, кормит, столуется“ (< тек-пип іда) и онанда шедннда.

В вопросительных предложениях, перед вопросительными частями, употребляется не изъявительное наклонение, а причастие опап-га, опап-жа „приходящий (придет)?“ — и появляются стяженные формы: опап-жа > опа, опі, опā. Применение в качестве энклитики местоимение і „нечто, что, кто“ приводит к образованию существительного: опап-і „пришелец, приход“, пилгип-і „пожилой, старик“, ежелтпип-і „мальчик, ребенок“. Полученная таким путем форма на -пип употребляется как „предикат приложения“, как деепричастие предпосылки, а форма на -пипа (< -пип-іра) — как сказуемое или завершающий предложение глагол (см. Кор. Gr., § 134). Кроме того, здесь следует назвать деепричастия на -пā, -кепа, -кені и -кені-ва как производные образования от причастия на -п-.

§ 57. Суффикс -і

В корейском языке отглагольные имена с суффиксом -і относятся к продуктивному типу словообразования, который распространен также в тунгусских языках и диалектах. В монгольском языке встречается ряд отглагольных слов на -і, но в современном языке этот формант уже не является продуктивным*. В тюркских языках также встречается много слов, которые можно отнести к данному типу словообразования.

1. *Тюркский.* Др.-тюркск. qonşu, казах. qonşy, кирг. koñşy, ср.-тюркск. qonşu, тур. qonşu „сосед“ < qonuş- „жить совместно“ qon- „жить, переночевать“; ср.-тюркск. köñşü „друг, сосед“ < köñüş- „видаться“; кирг., тат. и т. д. jaqşu „хороший“ < кирг. jaq-uş „быть подходящими“, казах. жақуs- (то же), жақ- „подходить, годиться“ ср.-тюркск. jarşu „участник, найщик“ < jar-uş- „делить между собой“, jar- „делить“, jaruş „часть, доля“; монг. jarim „несколько, частичные“; уйг. жагаşу „свойство, пригодность“ < жага-ş- к жага „подходить, годиться“; уйг., чаг. qarşu „препятствие, сопротивление, досада“ < qaruş- „противиться“, монг. qarī-ša- к уйг. qar-

монг. qarī „возвращаться, поворачивать назад“; чув. ʏigəş „против, contra“; казах. qarūşqur > qarşur „волк“; монг. qarşī „досада, враг, препятствие“ < уйг.; др.-тюркск. tāgī „вплоть до, по“ < tāg- „касаться чего-либо“, чув. tiv- (то же); др.-тюркск., уйг. tāgri „вплоть до, по“ < tāg-ūr- „дать коснуться, дать достигнуть“; чув. tag- в слове taran „до, по“ (Paasonen, стр. 157) и tive-t- „касаться чего-либо, дать дотронуться, достигать, попадать (в цель)“; уйг. taqu „вторично, еще, тоже“; тур. daña, dañu < taq- „повторять“, монг. daki- (то же), daki-p „опять, вторично“¹⁰², монг. daki, тунг. daki „опять, вторично, снова“; дотюркск. *ta < домонг. *da „больше, многие“; кор. ta „все“ (?); ср.-тюркск. tabu „мерный, -степенный“ < tap-; ср. кор. -tap- в таких образованиях, как saram-tapta „быть человеком“ (saram „человек“), i-l-tawi „так, как это, этого рода, подобный, такой“; уйг. āgri „кривой“, чув. avār „эфес, крюк, соха“ < āg-ūr „сливать“ < āg- „быть согнутым, скрюченным“ монг. ege- > e-; тунг. egege „изгибание, поворот“, кор. ē-u- „окружать“ < ē-; уйг. kōpi „прямой, прямо“, якут. kōpō „честный“, чув. kupa „прямой, мягкий, легко раскалывающийся (о дровах)“ (Paasonen, стр. 76), др.-тюркск., якут. kōp- „быть прямым, быть справедливым и верным“; др.-тюркск. biriki „объединенный“ < birik- „объединяться“; др.-тюркск. qaly „остаток“ в слове qalysuz „без остатка, полный, вполне“ < qal- „оставаться“; др.-тюркск. jasy „широкий, плоский“ < jasy-, jas-, ср. jas-tyq „(плоская) подушка“; кор. jat-hada > jatta (основа jath-) „быть плоским“.

Описанное Кастрёном причастие на -і- в койбальском и карасасском¹⁰³: pari, bari „идет, идущий“, kili „приходит, приходящий“ и т. п. (см. Кастрён, койб., стр. 204 и др.), является, может быть, древним заимствованием из языка героического эпоса, но можно также предполагать, что оно восходит к монгольским влияниям. Якутское будущее время на -уах, -іах также следовало бы отнести к производным причастиям на -і-: оно получено при осложнении причастия на -і- уменьшительным суффиксом -ақ ~ -ʏақ; возможно, что имя на -ʏақ перестали отличать от древнего -і (-ақ), и это дало в якутском языке современную форму глагола в будущем времени.

С точки зрения фонетики надо обратить внимание на следующее:

Глагольные основы на -і- употреблялись, вероятно, как имя, например, qagu „старый, пожилой, старец“ от qagu- „стариться“¹⁰⁴. Там, где нельзя было опереться на такого типа глагольное образование, там гласный -і-, точно так же, как и другие гласные первого слога в именах из древнего тюркского языкового наследия, мог утрачиваться либо уже быть утраченным: ольч. -talī „товарищ“, тюркск. -daş (то же), тюркск. qarşu, чув. ʏigəş „против“.

Так как древнее слоговое -і в тюркских языках еще с древних времен появляется в позиции после гласной основы в виде -у или -і, а позднее после лабиальных гласных и в виде -и или -й, в то время как суффикс -а, -ā уже в древнетюркском мог появиться в ослабленном варианте -и, -й, а позднее и в виде делабиализо-

* Профессор Владимирцов в свое время опубликовал статью об имени на -і- в монгольском языке, с которой, к сожалению, мне не пришлось ознакомиться¹⁰¹.

ванного -у; -і, проведение грани между суффиксом -а и суффиксом -і в тюркских языках уже на ранней стадии их развития стало не возможным. Следует признать, что уже в древнетюркском существовало тождество этих образований, а образование на -і-, которое было унаследовано в значении прилагательного, как особый тип словообразования оказалось утраченным.

2. *Монгольский*. Отдельные слова, например: монгл. *būi*, *būji* калм., бурят. *bi*, *bi*, *-wi*, *-w*, *-b* „есть (от „быть“), бытие“; маньч. *bi* (то же), *-mbi* < *-me bi* „находиться в [состоянии (хождения, прихода и т. д.)]“ как окончание настоящего времени, подобно англ. *is going* < *is a going*, *is on going*; тунг. *-bi*, *-w* < монг.-тунг. *bi*-монгл. *būi*; кор. *i*- < *wi*-, тунг. *bisi*-, кор. *isi*- „быть (существовать)“ англ. *to be*, *to exist*; монгл. *darui*- „точас, после этого“ < *daru* „давить, жать, прессовать, следовать, быть близким“; тунг. *dari-sk* „возле, мимо“, тюркск. *jaz-* „промахнуться, упустить что-либо не попадать в цель“, *jaγun* „ошибка“; кор. *tarim*, англ. „difference“ монгл. *mirui* „кривой“ < *miru*-, тунг. *mirukte* „круглый, кривой вокруг“; кор. *miru*-, *miri*-, англ. „to return, to send back“; мульт. англ. „a spinning wheel“ (< **mir-gi-ei* „то, что перекручивают поворачивают“); монгл. *ajisui* „приходит, приближающийся, в состоянии прибытия, наступления“ < *ajis*- „приближаться“ < *agi-s*- ср. тунг. *ag-* „достигать, (где-нибудь) останавливаться“; монг. *aji* др.-тюркск., уйг. *ayul* „становище (кочевников), селение“ < „мест, назначения“, зап. диалектное *aul* „аул, селение кочевников“; монгл. *bagurai* „сошедший, спустившийся, разорившийся“; бурят. *būga* (то же) < *bagura*- к монгл. *bagu*-, калм., бурят. *bū-* „спадать (о половодье), сходить (с коня), опускаться“; монгл. *balai* „слепой“ (о половодье), *balai* (то же) < *bala*-, кор. *mēl-* „быть слепым“; монгл. *ede* (*budai*) „слабоумный, глупый, глупость“ < *ede*-, ср. кор. *ed-ub-* „быть сумрачным, быть неясным“, *eduwun*, *edūn* „трудно видимый, темный“; монгл. *sōni* „ночь“; халх. *šini*, калм. *sō* (то же) < монг. *sōni*-, *sōni*-, тюркск. *sōn-* „угаснуть“; тунг. *si*- < **sōji*- (то же), *si-ka* „вечер“; монг. *muži* „население провинции, народность“, халх. *muži* „народное объединение“¹⁰⁵; др.-тюркск., уйг. *budun* „народ“ < монг. *muč-*, тюркск. *bud-*, ср. кор. *muč-* „собирать“, *muži* „собрание“, *to-muži* „все вместе“, *mučun* „весь“ (адъект.); монг. *üge* „не, нет, без“; калм. *ugā*, *ugā* (то же); ср. др.-монг. (*Mongol u Niuca Tobčijan*) *üge'ūi*, мн. ч. *üge'ūn* (то же), тунг. *uge*-, *uw* „недоставать“; монг. *aju'uli*, халх. *ajūl* „возбуждающий ужас, вызывающий страх, пугающий“, *ūkügūli*, халх. *шүшл* „смертельная опасность“.

Помимо отдельных слов такого рода, в монгольском языке более древнего периода существовала, как продуктивная, еще одна форма настоящего или, скорее, настоящего-будущего времени, окончание которой являлось *-i(-j)* и *-ju(-jū)*, например, *bolui*, *boluju* „становится“, *igejū* „приходит“, *jabuju* „идет“ и т. д.

Употребляющаяся во всех современных диалектах желательная форма наклонения на *-ja(-je)* представляет собой лишь вариант этой формы

а его долгий конечный гласный является признаком законченности предложения; *boluj-a* „давайте (пусть) мы станем!“, *jabuj-a* „пойдемте! пойду-ка я!“; халх. *jawij*, калм. *jowī*, *jowija*, *jowijā*; *kelej-e* „давайте скажем! скажу-ка я!“, халх. *χeli*, *χelijā*, калм. *kelij*, *kelijā*.

3. *Тунгусский*. Примеры такого рода слов во всех тунгусских языках довольно многочисленны: маньч. *bi* „есть (от „быть“), бытие, существующий“ < *bi-i*, монгл. *būi*; гольд., ольч. *bi* (то же); гольд. *alosi* „обучение, преподавание, преподающий“, *alosi nai* „учитель“ к гольд. *alosi-* „преподавать, обучать, знакомить“; кор. *atoisi* (то же) к *ato-i-* „оповещать“, *ar-gu*, *al-gi-*, *alli-* (то же), кор. *al-* „знать, быть знакомым“, тунг. *ala-* (то же) и *ala-gu-* „знакомить, обучать“; монг. *al-dar* „слава, репутация, известность“, даг. *aldūr*, кидан. *aladar* (то же); гольд. *deduli* „глубокое уважение“ к *dedule-* от *dedu* „главенство, старшинство“; монг. *dege-dū* „старший, высший, лучший“; гольд. *gaži* „покупка, купля“, *gaži nai* „покупатель“, *nai gažini* „мужчина покупает“ к *gaži-*, *gadi-*, *gada-* „покупать“; тунг. *suli* „заостренный, острый, остроконечный“ к *sul-* „заострять (карандаш)“; тунг. *degi* „птица“ к *deg-* „летать“, *degisi-*, *deksi-* (то же); лам. *mēnkēn-deksi* „самолет“ < *mēnkēn* „сам“, *deksi* „летчик“; лам. *bukes-ēndi* „ледокол“ < *bukes* „лед“, *ēndē-* „ломать“; лам. *kanali* „плохой“, ср. кор. *kanil-* „быть узким“; лам. *gāltali* „белый, блестящий“; ср. тунг. *giltala-* „блестеть“, *giltas* „блеск, мерцание“.

Ламутские слова *mēnkēn-deksi*, *bukes-ēndi* — новые слова; они свидетельствуют о том, что имя на *-i* еще используется для новообразований.

Тунгусо-ламутские прилагательные на *di-* должны, пожалуй, толковаться как имена на *-i-* от отыменных глаголов на *-d-*, *-t-*; тунг. *egdi*, *hegdi* „большой“ от кит.-кор. *hjek* „великолепный“, откуда и монг. *jeke* „большой“ (тур. *jāka* < монг.); тунг. *daldi* „сладкий“, ср. кор. *tal-* „быть сладким“, *tap* „сладкий“ (< **taln*), ср.-тюркск. *jalancqa* „без соли и жира (кушанье)“; тунг. *sagdi* „старый“, ср. кит.-кор. *sak* „старый“, *sak-tjen* „поле под паром“; тунг. *buldi* „тепловатый“, ср. монгл. *būlijen*, калм. *būlān*, *mōlān* (то же) (венг. *meleg* „теплый“) и т. п.

4. *Корейский*. В корейском языке имя на *i* одинаково употребительно как от глаголов действия, так и от качественных глаголов. Будучи произведенным от глаголов действия, оно обозначает действие либо действителя; образованное от качественных глаголов, оно обозначает состояние: кор. *sābi* „схватывание, рукоятка, черенок и т. п.“, *kogī-žabi* „рыболовство“, *soṅ-žabi* „ухватка, рукоятка“, *šabi-kkup* „ловец, охотник“ от *šar-* „хватать, ловить“; тунг. *žawa-* „ловить, брать“; монг. *žaga-g* „стык, паз“; тюркск. *jar-* „строить“; кор. *moṅi* „понуждение, погонщик“, *maṅ-moṅi-kkup* „кучер, погонщик лошадей“, *so-moṅi*, сев.-кор. *swā-moṅi* „погонщик волов“ от *moṅ-* „гнать, понуждать“; кор. *tjri* „вход“, *pa-djri* „выход и вход“ от *tjil-* „входить“; кор. *khji* „величина“

к *khj-* „быть большим“, кор. *porhi* „высота, высоко“ к *porh-* „быть высоким“; отсюда манч. *pori* „уважаемая особа, власть“ и яп. *porro* „высокого роста (человек)“; кор. *talli* „различие“, *tarim* (то же) к кор. *tarj-* „быть различными“; тюркск. *jaz-* „промахнуться“; кор. *algi* (сев.-кор. *argi*) „клин“, ср. тунг. *arki-* „всовывать, всаживать, делать непроницаемым (для воды, например, лодку)“, тюркск. *at-* в слове *ата* „посредине“, якут. *aryt* „середица“, монг. *ataciia-* „посредничать, быть посредником“; кор. *kho-giri* „слон“ от *kho* „нос, клюв“, *ki-* „быть длинным“; кор. *keri* „улица, путь“ от *ker-* „идти пешком“, тунг. *gir-ka*, лам. *gar-ka-* (то же); кор. *to-šoži* „все вместе“ от *to* „all“ (все), *šoži*, сев.-кор. *podī* „весь, собранный вместе, общий“ (см. выще!); кор. *tari* „товарищ“ к *tari-* „быть спутниками“ (см. у Гэйля „to accompany“), сюда же ольч. (см. Schmidt-Olchas) *džakpatali* „сосед“ от *džakra* < *džarka* „край, сторона, бок“, следовательно, *žarka-tali* „товарищ по стороне (земляк)“ и тюркск. *-daš* в *joł-daš* „спутник, товарищ по пути“, уйг. *jirtaş*, *jerdaš* „земляк, соотечественник“, *qarundaš* „брат, братья и сестры (единоутробные)“ (< *qarun* „лоно, живот“).

§ 58. Суффикс -ш

Во всех алтайских языках мы встречаем много примеров некоего архаического отглагольного имени с суффиксом -ш, различные производные которого должно быть также весьма древни.

1. *Тюркский*. Несколько примеров: *alush* „взятие, взятое, долг“ (*al-*, манч. *ali-* „принимать, получать“, кор. *arim* „охапка“); *ölüş* „смерть“ (монг. *ölbüri* „мор“, *ölüs-* „голодать“, тунг. *ulbuni-* „голодать“); уйг. *kedim* „одежда“, койб. *kezim*, казах. *kijim* (монг. *kežim* „попона“, *kedürge* „плащ, пальто“); казах. *tizim* „нанизывание (например, жемчуга)“ [*tiz-*, кор. *tirim*, *turim* „a numerative of twenty fishes“ = „цифра «двадцать»“ < **tüi-*, тунг. *turi* „семья“ так же, как монг. *kelkije*, *sülbege* „узы, связанные (обязательством)“]; *jarun* „половина“ (*jar-* „делить, раскалывать“, монг. *žarim* „несколько, некоторые“); *jem* „кушанье, порция“ [*je-* „есть“, монг. *žem*, *žemdeg* „падаль, пожранное (волками), приманка“], якут. *уаш уја* (< *sagun aju*) „месяц доения, май“ и т. д.

Подробнее об имени на -ш, например в турецком языке, см. Deny, § 855.

Возможности применения этого имени были, по-видимому, очень широки; об этом свидетельствуют разнообразные его производные уйг. *alushu* „сборщик долгов (недоимок)“, *alushaq* „охотно берущий, продажный (взяточник)“, *begimlig* „плодородный, доходный, продуктивный“, *sapushuz* „неумышленный“ (монг. *sapamsar*); тур. *oturumluq* „место (достаточное) для сидения“ и т. д. Имя на -ш выражает объемность деятельности или события; J. Deny называет его „les noms d'unité d'action“; кирг. *bir içim su* „глоток воды“, *bir čaj qajnam* „заварка чая“, *šaqutum* „верста, расстояние голоса“ (< *šaqut-* „звать“).

Из производных следует упомянуть как наиболее важные следующие:

а) -ша, употребляемое в значении прилагательного либо же в значении произведенного от него существительного; оно восходит к элементу -ш и адъективообразующему -а, где -а тождественно окончанию -ai (или -a) в монгольском *шаи-ai* „наш(инский)“ > *ша-ai*, (монг.HT.). Темүжин-ai „Темюджин'ов (собственный)“, калм. *шапā*, *кенā* „чей“; тюркск. *basma* „напечатанный“, *jazma* „написанный, письменный“, *qajnama* „кипяченый“, *tolma* „набитый, фаршированный“; кирг. *qarushra* „упрямый“, *qusra* „тесный, горное ущелье, теснина“; казах. *орра* „засасывающий“ > „трясина, болото“; уйг. *toluşa* „обходный“ > „фланговое наступление“, *saqma* „завертывание, спелёнывание“ и т. д.¹⁰⁶ Отсюда производится, опять же при помощи окончания -lig, „долженствовательное наклонение“: тур. *gelmelisin* „ты должен (тебе следует) прийти“, *almaly-jum* „я должен (мне надлежит) взять“. Эта же форма появляется в чувашском языке с окончанием -malla. Употребительны также и другие производные: казах. *keçmelik* „переправа“; тоб. *basmala-* „набивка ткани“.

б) -шақ — окончание тюркского „инфинитива“¹⁰⁷, в котором мы имеем сочетание -ш с суффиксом -aq (ср. *oşul* — *oşulaq*, *baş* — *başaq*, *taş* — *taşaq*). Это отглагольное *-шак имеется также в монгольском и корейском языках. Значение его либо совершенно конкретное, как в алт. *kötnök* „зрелище“; казах. *batraq* „топь, трясина, болото“, якут. *уасрау* „котел, чугунок“ (ср. калм. *хатр*), уйг. *ajmaq* (> монг.) „область, территория“, либо адъективное с сильно или слабо выраженным оттенком предрасположенности, склонности: „чему-либо служащий, к чему-либо склонный“ или, соответственно, „служение, склонность“: чаг. *šaqmaq taş* „камень для высечения огня, огниво“; казах. *qosraq tüjō*; кирг. *qošmaq* (н.-монг. *holimag teshē*) „гибрид верблюда, помесь“ (*qoš-*, монг. *qoli-* „мешать, смешивать“). Дательный падеж -шаға (~-šägä > -šäjä), так же как и -иҫ-ға, -аҫ-ға, больше всего соответствует индоевропейскому инфинитиву. Окончание супина в чувашском -ша представляет собой более древнее -шāх < -шақ и -шақ-а.

в) -ша — опознавательная частица или „инфикс“ отрицательной формы спряжения, возникла из стяжения -ш с древним глаголом е- „быть“ (= *er-*, *i-*) в значении „отсутствовать“ (подробнее об этом см. в появившейся несколько лет тому назад статье „Die Verneinung in den altaischen Sprachen“, MSFOu, 52, 1924).

г) -miş; тюркское „причастие прошедшего времени“ (Perfect Participle), или „прошедшее неопределенное“ (Präteritum indefinitum), представляет собой древнее сложносоставное образование из имени на -ш и существительного *iš* „предмет, вещь, дело, работа, факт“¹⁰⁸, идентичного кор. *il* „предмет, работа“, монг. *ijie*, манч. *wejie*, якут. (< монг.) *ilä*; таким образом, по структуре словообразования кор. *rom il* „вещь, которой занимались, или которой следует заняться, то, за чем смотрели“ (*roda* „смотреть“) представляет собой

стр. 111 и 165). Значение, внутриприсущее окончанию -mži, вполне ясно, например: tusalamži „готовность к оказанию помощи, пособничество“, ergümži „глубокое уважение“, pejilemži „соглашение, объединение“, ülemži „пребывание в большинстве, advance“, žalgamži „продолжение, succession“, ulamžilan „successively“ и т. д. Это же образование мы находим в гольдском и маньчжурском языках: dalamži „директор, дирекция“; в якутском языке оно появляется с окончанием -mju (-mju, -mju): ħogomju „расточительство, расход, выдача“, ösüömju „ярость, гневное настроение“. В тюркском, как правило, мы находим окончание -nyty-, -nydy, которое появилось в результате совпадения исконного *-mta и исконного, *-mđi, например: birikinti „объединение, умиротворение“, tarunyty „глубокое уважение“, qurunyty „пустое воображение, пустяковые мысли“, basunyty „назойливость“ и т. д.

Здесь же следует привести следующие примеры: др.-тюркск., уйг. ekinii, ikinti „второй, другой“, ср. кор. pegimthe „ближайшее место, в ближайшее время“ и монг. qojarta „дважды“, gurbanta „трижды, в-третьих“, olanta „часто“, а также заимствованный из монгольского многими тюркскими диалектами аффикс -ta(-tä) „раз(-жды)“ (см. § 126).

д) -mğai (-mqai) и -mtagai, -mtagu (-mtü) являются общеупотребительными окончаниями, служащими для образования прилагательных, например: martam-qai „забывчивый“, idem-kei „прожорливый“, ujlamqai, ujlamtagai „плаксивый“, sočimtagai, sočimtagu „пугливый, робкий“. Окончание -mtagu > -mtü в якутском языке встречается в виде -mtya (-mtiä) (см. Ястремский, § 89).

е) -mta-. В некоторых бурятских диалектах с помощью окончания -mta- образуются вторичные глаголы, например, jabumta- „(немного) пройти, куда-либо двинуться, совершить прогулку“¹¹⁰. Это окончание произошло путем присоединения к существительному на -m- глагола ta- „делать“, который в гольдском, ольче и других тунгусских диалектах является обычно самостоятельным словом и, вероятно, тождественен чувашскому tu- „делать“.

ж) -mši, -mši и -m — окончание настоящего времени изъявительного наклонения. В литературном языке настоящее время оканчивается на -mši. Это -mši представляет собой специфическую форму имени на -m- с удлинением гласного, существовавшую еще в древнем языке и употреблявшуюся в тех случаях, когда имя выполняло в предложении функцию сказуемого. Соответственно, окончанием негативной формы настоящего времени было -mšar (-mšer), которое встречается еще в нескольких случаях и в монгНТ.: ölüšümšer, ölüšümšer „не голодает“, kejisümšer „не летает с ветром“¹¹¹. В калмыкском языке встречается еще запамсар „неумышленный“, uqamšar „неожиданный, неосторожный“, однако там значение этого -sar „без, не“ = чув. -sät, тюркск. -suz уже стерлось. В халхаском еще говорят jāmšā „что же тут можно еще сделать?, что же это значит?“, следовательно, посредством -mši достигается некоторая модернизация удлинения гласного в конечной части пред-

ложения. Впрочем, это настоящее время на -mši, -mši в современных диалектах не употребляется и только язык монголов Западного Гансу (монгол) да еще некоторые единичные малоизученные языковые островки являются его хранителями: монг.¹¹² kün mudiäm „кто знает, быть может“, užiž-adam „он ненавидит, он видеть не может“ (üžežü jadami). То настоящее время на -mam (jabumam, irenem и т. д.), которое часто можно встретить в древней литературе и народных былинах, возникло из сочетания -m (Converbum modale) и am (amui). Возможно также, что и современное настоящее время на -pai, -pä, -pä, -p, по меньшей мере частично, восходит подобным же образом к -m, осложненному формой aju „есть“ (от „быть“).

Поскольку образования настоящего времени на -m и -mši употребительны и в корейском языке, здесь можно напомнить о древней версии переселения племен Sien-pi (Sembi) из Джсхола в Кансу.

3. *Тунгусский*. В тунгусских диалектах самостоятельное имя на -m не встречается; это указывает на ранний переход конечного -m в -n (прилагательные на -m, например awam „широкий“, ħonim „длинный“ и т. д., представляют собой сокращенное -mi; маньч. golšim „длинный“). Однако в языке имеется множество производных образований, где -m присутствует в качестве окончания отглагольного имени:

а) Деепричастие или инфинитив на -mi в тунг., где -i древний признак падежа(?), и на -me < (?)-mai ~ mei в маньч., где -ai, -ei может являться показателем местно-дательного падежа; тунг. amapi „чтобы толкнуть (к толканию), чтобы бить“, bimbi „к бытию, в бытии“; маньч. amapi „толкает“ < amame bi „пребывает в толкании, is pushing“, amapihe „толкал“, bimbi „существует“, bimbihe „существовал“.

б) Деепричастие на -mšim, негид. на -mđi, -mđin, являвшееся, возможно, формой инструментального падежа на -di, а также образование на -mšep, -mšān, которое, вероятно, восходит к -mši и -lan.

в) Имя действителя (Nomen actoris) на -mšim, где -mi следует сопоставить с гольд. pai „человек“, ольч. pi, кор. pai, pe (то же); alagumšim „учитель“, alagumšim „ученик“ (гольд. alo-, alosi- „преподавать“; кор. al- „знать“, algi- „преподавать“); tigimšim „сторож“ [tigim- „стеречь“, кор. čik hada (то же), mun-čigi „привратник“]; ajišimšim „врач“ (aji-t- „врачевать“, aji, aja „хороший, здоровый“).

Гольдский язык имеет от -mšim форму -mšim и, следовательно, не делает различия между -mšim и (монг.) -mšim. Отглагольные наименования предметов могут иметь форму имени действителя; тунг. tilimšim „гребень“, гольд. čilemšim (то же) (*ti, tikte, гольд. čikte „вошь“).

г) -mšā; образования с этим окончанием встречаются особенно часто в ламутском языке и тождественны образованиям с монголь-

ским -ngai; sāngā „знаток“ (sā- „знать“); unīngā „купец“ (unije- „продавать“, монг. ūne „цена“).

д) -та — окончание отглагольного прилагательного, которое употребляясь как наречие, ставится в инструментальном падеже: girkuṣa „ходящий пешком, хождение пешком“, girkuṣat „пешком“, tūksamat „вскачь (прыжком)“, dāgnet „рекой (через реку)“ (dāg- „идти через реку“). Множественное число тоже употребляется: ilci iṣemei nup iṣemei „люди смеялись и смеялись“. Сюда же относится и тунг. iṣemežē „гость, пришелец“ (монг. iṣe- „приходить“, кит.-кор. -жа „особа“).

е) Окончание -так характеризует прилагательное, но применяется, по-видимому, только вместе с вспомогательным глаголом o- „становиться“; передает неожиданность или случайность события: tselmak om „я внезапно проснулся“, guphek om „я проговорился, слова (неожиданно) вырвались у меня“, iṣemek oṣan „его разбирало любопытство“. Это окончание следует, пожалуй, толковать не как -ш-ак, а скорее как -та-(a)k.

ж) -makta — окончание некоторых прилагательных, несущих в себе значение „недавно, только что“: ōmakta „новый“ (ō- „становиться, дслать“), ilmakta „молодой“ (il- „вставать“), baldimakta „молодой, маленький“ (baldi- „рождаться“), nēkteṣekte „новая пашня“ (nē-kte- „открывать“; маньч. peje-, монг. пē- „открывать“). В данном случае имя на -та осложнено суффиксом -kta („один из многих“).

з) Тунг. -паја, лам. -пай — окончание желательного наклонения возникло путем стяжения -ши и аја „желательно бы... , хорошо бы...“; iṣemeje, iṣemej „хорошо бы, все же, взглянуть... , давайте-ка посмотрим“, наряду с iṣemi аја. Подобные обороты в значении сослагательного или желательного наклонения употребляются и в корейском языке: kagi ga cōkhetta „хорошо бы пойти“ > „давайте уж пойдем“.

и) Окончание -птак довольно часто встречается в отглагольных наречиях. Фонетически -птак является ассимилированным *-п-lak или *-п-dak (*-п-tak?). Если наиболее близким к истине предположением является -п-lak, здесь можно вспомнить и о якутском окончании -lax (< -li-g — окончание притяжательного прилагательного); peṣimpek peṣireṣ „он вырвал его полностью“ (букв. „вырвал рывком“).

4. *Корейский.* Здесь, наряду с существительным на -т, имеется совершенно аналогичное по своему звучанию предикативное образование — некая форма настоящего времени, употребляемая в официальном языке или в языке высокого стиля. В древней литературе вместо современных форм saṣan „жизнь, живой (человек), живет, обладает жизнью“, cūgim „смерть, мертв, труп“, midim „могила, роет (могилу)“, han „дело, делает“, мы встречаем такие формы, как saṣan, cūgem, midem, hom. Это значит, что в том диалекте, который лег в основу письменности, гласный перед -т подвергался лабиализации; подобным же образом возникала лабиализа-

ция перед -b- основы страдательного залога: haopta < haopta < ha-sarta.

Выполняя функцию существительного, имя на -т образуется и склоняется в современном языке правильно; kam „ходьба, хождение“, kami „ходьба, хождение“ (детерминированная форма), kamā (< kam-ai) „в ходьбе, при ходьбе“, kamigo „с ходьбой, ходьбой“.

В функции личных форм глагола это имя на -т применяется в уставах, описаниях и других официальных документах, а также в юридическом языке, но отнюдь не в обыденной речи, где производное от него же -ши, -шиi дало настоящее время, принятое в различных диалектах: kami „идет“, hami „делает“, salmi, sammi „живет“, megimi „ест, едят“. К этой форме зачастую присоединяется вспомогательный глагол (глагол-связка) ida „ссть“ (от „быть“), а также страдательная основа на -b-; kami, kammi, kamida, kamnida „идет“, „будет ушедшим“, „это — ходьба“. В некоторых диалектах для образования настоящего времени вместо -ми употребляется -mā и для страдательного залога -mshā.

Это имя применяется часто как „внутренний объект“: čam čanda „он снит свой сон“, čim čida „дарить подарок“, kkm kveda „видеть (букв. „снить“) сон“, čim čida, сев.-кор. tsim tsida „груз грузить“ (*čl-, тюркск. jū-, монг. žō-ge-, калм. žō-, тунг. žugu-, žuwu-, žū „грузить, нагружать“).

Из производных образований следует упомянуть:

а) -mā, окончание промиссива (формы обещания), представляющее собой результат присоединения к -т восклицательной частицы -ā и обозначающее примерно: „а ну-ка...!“ или „а все же я...“. Это точно то же самое образование, которое в некоторых из тюркских языков употребляется в качестве повелительного наклонения, а в других, как рассказывает Махмуд Кашгарский, получило неверную интерпретацию формы запрещения (относительно промиссива см. Кор. Gr., § 163).

б) -т-ig, -т-ig-nin, -т-ig-n-sje, окончания простых временных и условных образований в корейском языке, см. Кор. Gr., §§ 199, 200.

в) -т-čik, окончание, которое образовалось путем присоединения к -т существительного čik: roṣžik haḍa „быть достойным внимания“, meḡimžik haḍa „быть съедобным“, samžik haḍa „заслуживающий быть купленным“; зачастую оно образует перфектную конструкцию: roamžik haḍa (roa-imžik haḍa) „заслуживавший быть увиденным“, čue-m-žik han „заслуживающий быть подаренным“.

г) -т-ak (-т-ek), например, tilmek haḍa „поднимать“ (tilda — то же); puṣim, puṣilmek „хлебные крошки“.

Корейский язык знает множество имен на -т, с которыми не соотносится как производящая основа ни один первичный глагол. Происхождение некоторых таких существительных, стоящих вне современной системы спряжения, может быть с успехом объяснено на примерах из других алтайских языков: aḡim „охапка, один

охват (улов)" (тюркск. al- „брать“), керһиш „пена“ (тюркск. kör „пениться“, körük „пена“; монг. köge-sün „пена“); öш „чесотка“ < oшm < oшum < osum (то же) (тунг. os- „чесаться, царапать“), osi-kta „коготь, лапа“); ашһаш „утро“ (тюркск. аш- „открывать“), регим „следующий, последующий“ (тюркск. екі „два“, екінті „второй“); таим, таһим „следующее за этим“ (тюркск. jaq-, jaqu- „примыкать, следовать“; монг. daga- „следовать“).

§ 59. Суффикс -а

Образованная при помощи этого суффикса глагольная форма представляет собой своего рода причастие настоящего времени и применяется для большего уточнения действия следующего за ней глагола. При этом оба глагола могут выражать два одновременно происходящих действия, однако имя на -а может в большей или меньшей степени передавать перфектное значение, т. е. обозначать действие, предшествующее по времени.

1. *Тюркский.* Окончание имеет форму -а, -ä после основ на согласный и -ја, -jä после основ на гласный, так как между гласным основы и окончанием возникает соединительный вставочный согласный -j-, -j-. Однако гласный звук, следующий за соединительным вставочным согласным, рано редуцировался, и уже в др.-тюркск. и уйг. мы имеем от глагольной основы te- „говорить“ герундий teji (для еще более древнего этапа можно соответственно принять tejä?) „говоря“, от jaša- „жить“ jašaju „живя“. В соответствии с ba-j-и, te-j-ü, jaša-j-и тогда существовало и alu „беря“, bigü „давая“, baги „уходя“, kelü „приходя“ и т. д. наряду с встречавшимися кое-где закономерными ala, bigä, бага, kelä и bary, keli и т. д.

Эта форма на -а встречается в западнотюркской группе языков и в якутском языке; в функции сказуемого она употребляется здесь точно так же, как и в монгольском языке: тат., казах. bilä män „я знаю“, bilä sän „ты знаешь“, bilä „он знает“, bilä-mü sän? „знаешь ли ты?“, bilä-mü siz? „знаете ли вы?“; якут. bilä-bin, bilägin, но в 3 л. ед. ч. в якутском языке появляется bilär, мн. ч. bilällär < bilärlär (см. выше § 53,1)¹¹³.

В основах на гласный окончание -ju, -jü сократилось до -j, -i: алт., тел., тат. jašaj-män „я живу“, jašaj-sän „ты живешь“, jašaj, jašaj dyг „(он) живет, живут“; тар. ojnaj du „он играет“; тур. jazıjog < jazı jatur „он пишет“, verıjog < beri jatur „он дает“¹¹⁴; якут. si-bin „я ем“, si-gin „ты ешь“ < jeju-män, jeju-sän, но siг „он ест“ < jejuг (для др.-тюркск., уйг. je-г).

Синтаксически эта форма бывает зачастую связана со следующим за ней вспомогательным глаголом (tur-, jat->), и потому он, попав на место окончания, претерпевает сокращение: казах. boladıм < bola turıм „становясь я стою, я становлюсь“; казах. жеңäді „он побеждает“, жеңädin, жеңätin (<-а turған) „побеждая“¹¹⁵; тар. boladı „он становится, оно становится“; чув. pulat

„становится“ < bola tur; койб. pola čat, алт. polajat; чаг. bola jatıg, туркм. bola jät, тур. olujot, olıjot „будет, станет“ и т. п.

Говоря о фонетических изменениях окончания -а, -и, следует отметить, что, попадая при словообразовании в середину слова, оно благодаря синкопе часто, хотя и не всегда, исчезает: ба- „связывать“, baju „связывая“, baj-la- „делать связывающим“, бау „веревка, завязка“ (ср. кор. paг, pa „веревка“ < paг?), бау-la- „завязывать, обвязывать“, bajlau, dajlau, bajlı „завязывая, завязывающий“, bajlau „завязывание“; ср.-тюркск. kälämäk „хотеть, намереваться прийти“ < kälü sämäk, ср.-тюркск. kädürsä- „желать одеть“ < kädürü-sä (см. § 90).

Там, где это образование на -а выполняет синтаксически роль деепричастия (герундия), оно часто приобретает окончание инструктивного падежа -п; койб. kälbin (< kälmäjin) „не приходя“, teji ~ tejin „говоря“, saju, saju (> якут. äju) ~ sajuп, sajuп „считая, каждый“. Это — древнее употребление; ср. sajuп > чув. -sän, -sän (аффикс множественности), но исходн. п. sajudan > чув. sätän „от каждого, каждым“.

Древним является также и удвоение (редупликация) этого деепричастия с целью акцентирования длительности действия: бага бага, тур. vava vava „все идя, все продолжая идти“, bilä bilä „естественно, само собой понятно“. С этой формой совпадает особенно употребительная в тюркских языках южной группы форма, осложненная суффиксом сравнения: тур. vavagaг, quıagaг, edäräk и т. д.

2. *Монгольский.* В монгольском языке, например в языке памятников квадратного письма, наряду с окончанием -а, -е имелось также и -ai, -ei, которое встречалось в конце предложения: jabu'a žam „путь, которым идут“, jabu'a jabuži (jabužu, jabuži'üi) „он все шел и шел“, žam ijar jabu ai „шел дорогою“; халх. jawā dzam, jawā jawdži, бурят. zamar jabā. Окончание -а, -е, согласно орфографии литературного монгольского языка, обозначается через -га, -ге. Этот -g(-γ-) не имеет здесь никакого историко-фонетического значения, потому что он возник между гласными как заполнитель зияния. Но следует отметить, что впоследствии, наряду с jab-ä, ig-ë, где долгота явилась результатом стяжения двух гласных, язык создал в позиции после гласного также и окончание -gä, -gë с долгим гласным: монгл. baги- „спускаться“, калм. bü-, монгл. baguga „спускаясь“, калм. bügä; монгл. baj-ga „оставаясь“, бурят. baigä, калм. bägä; монгл. kögü-ge „изгоняя“, калм. kögä, бурят. үөгë. В монгольском языке -ä, -ä появляется после предшествующего гласного: поä „рассматривая, наблюдая“ (< по- < оно- „попасть“), targuä ä „жирея“ (см. ККМ, стр. 85, Nomen imperfecti).

3. *Тунгусский.* В тунгусском языке краткое окончание этого образования в позиции перед следующим за ним глаголом утратилось, а сам глагол, претерпев ослабление, стал словообразующим суффиксом. Многие тунгусские глагольные производные должны по-

ниматься как сложносоставные, представляющие собой сочетание одного глагола в данной форме с другим глаголом, имеющим более широкое и общее значение, в позиции завершающего члена: маньч. *ǰaŋa-* „пойти, чтобы взять“; тунгус. *d'awaŋ* (то же); кор. *ǰab-a pa-* (*ǰar-* „брать“, *pa-* „выходить“); лам. *bak-a-l-do* „я начинал паходить“ (< *bak-* „находить“, *-l-* < *il-* „начинать“ < „вставать“, кор. *il-* „вставать“); маньч. *ǰaǰi-* „прийти, чтобы взять“ (*ǰa-*, тунг. *d'aw-* „брать, взять“; маньч. *ǰi-*, голд. *d'i-d-* „приходить“); тунг. *ǰawamattom* „я борюсь“ < *ǰaw-* „брать“ + **mat-* „маѣ“ „быть обоюдным, взаимным“, кор. *mač-* „встречать“.

Подобные же агглютинативные образования из двух глаголов встречаются также, хотя и редко, в монгольском и корейском языках и чаще — в тюркском: вост.-тюркск. *jibār-* „посылать“; *ijiber-* < *uju-bār-* < *uda bār-* „посылая дать“, так же как монг. *abciŋ* „приносить“ < *abciŋ iŋe-* „беря приходить“ и тюркск. *arka-* *arqa-* якут. *aga-* „приносить“ < *alur kel-* „взявши прийти“.

4. *Корейский.* Окончанием здесь является *-a*, *-e*. С его помощью образуется одна из наиболее употребительных глагольных форм. Эккардт условно называет ее просто „глагольной формой“ тогда как другие пользуются названием „глагольное причастие“. Значение этой формы варьируется, выражая действие в диапазоне от прошедшего до будущего времени, однако при этом существительным является — передать наиболее тесную связь между двумя действиями: кор. *toga o-* „возвращаться, приходить обратно“, *toga-ga* „уходить обратно“, „умирать“ [*tol-* „переворачивать“, тюркск. *tolγa-* (то же), „окружать“]; кор. *ǰaba-pa-* (букв. „беря идти“) „увозить“; маньч. *ǰaŋa-*, тунг. *d'awaŋa-* (то же) (< *ǰar-* „брать“, *pa-* „выходить, уходить“); кор. *ǰue kat-*, *ǰuegat-* „менять“; тунг. *ugät-*, *ǰuwei* „менять“ (< *ǰu-* „давать“, *kač-*, *kaǰi-* „получать“).

От глагола *ha* „делать, говорить“ существует эта же форма в виде *haja* или *haje*, или даже *haj*, современное *hā* следовательно, произошло такое же сокращение, как в тюркском где *ala > alu ~ aly* „беря“, *berä < berü ~ beri* „давая“ указывая на раннее фонетическое ослабление.

Во многих древних составных образованиях первый член утрачивает окончание полностью: *mildaǰi* „раздвижная стена“, *midaǰ* (то же) < *mi-* „двигать“, *tat-* „замыкать“, *piŋe-dat-* „задвигать, замыкать“; *pučar-* „схватывать“ < *puh-* „приставать, прилипать“; *ǰar-* „хватать, брать“ (см. Кор. Gr., § 173—, *Converbum perfecti*).

Вполне понятно, что эта форма очень часто встречается в отглагольных наречиях, а также среди различных послелогов глагольного происхождения: кор. *roa* (*pa*, *-ba*) „относительно, в отношении...“; тунг. *-ba* (*-ma*, *-bo*, *-mo*), окончание винительного падежа маньч. *-be* (то же); кор. *puhe* „от, через, via“; тюркск. *ötä*, чув. *vidä* „через, проездом“; тюркск. *ötürä*, *ötürü*, чув. *vidäg* „через, проводя через“; кор. *peŋe* „сверх, больше чем, превышая“; др. тюркск., уйг. *j(i)šā* (то же); якут. *āšā* (то же); монг. *peŋe-* „добавлять“; тюркск. *tara*, якут. *taba* „к, по направлению к“ (< *tar-*

„находить“); тюркск. *asa* „через, поверх, далеко“; казах. *asa ǰer* „дальний край“; чув. *ut-* (< *ai-t-*) „перешагнуть“; монг. *alu-s* „далеко, поверх“; тюркск. *basa* „еще, тоже“; монг. *basa* (то же); голд. *basa* „следующее, второе, дальше, последователь“ (< тюркск., монг. *bas-* „давить, следовать за, теснить“); уйг. *iǰä* „следующий, затем“; уйг., коман. *iǰin* „через, посредством, с“ (кор. *pij-* „to connect“ *piu* „сосед“).

5. *Тюркские производные образования.* Эта исторически первичная герундивно-причастная форма на *-a* еще в древности создавала на почве тюркских языков два производные образования, оказавшиеся вполне жизнеспособными.

Одно из них — отглагольное прилагательное на *-aŋa*, чув. *-aŋa*, где элемент *-aŋa*, *-kän* тождественен монгольскому уменьшительному суффиксу *-aŋa*, тунг. *-kän*, который встречается также в значении „только“ (монг. *niŋeken* „только один“, *qoǰaŋaŋa* „только два“, *speken* „только этот“ и т. п.), например, тат. *birä-kän*, *biräŋän*, чув. *paŋaŋa*, туркм. *berijän* „всегда дающий, щедрый“; чаг., уйг. *juǰaj-aŋa* „плачущий, все только плачущий, плаксивый“, *juǰamaŋaŋa* „неплаксивый“, тат. *qačaŋaŋa* „постоянно убегающий, избегающий, застенчивый“¹¹⁶, *jataŋaŋa* „склопный всегда лежать, постоянно лежащий, ленивый“; чув. *puŋaŋa* „постоянно существующий“, агтап *tiraŋaŋa* „мельник“ (< *egir-meŋ* „мельница“, *tart-* „тянуть, крутить“). Это производное образование уже было верно проанализировано Казем-Бекком; сомнения же по этому поводу Мелиоранского (АФТ, стр. LIX) основываются только на принципиальном игнорировании им монгольского языка.

Второе производное образование — это форма на *-aly*, которая используется как первое лицо множественного числа повелительного склонения; его элемент *-ly*, *-li* скорее всего должен быть сопоставлен с суффиксом принадлежности места *-li*, ср. **-ǰai-li*, в уйг. *bar-ǰaly*, *er-käli* („долженствующий пойти, долженствующий быть“). Эта форма на *-ali* (например, *alali*, тар. *aleli* „пусть мы возьмем, давайте-ка, возьмем!“; *oǰnaiji* „пусть мы играем, давайте играть!“) еще удержалась в некоторых диалектах, но в древнетюркском мы находим ее уже осложненной формантом *-m*, т. е. притяжательным суффиксом 1 л. ед. ч. (др.-тюркск. *qabu-šalyŋ* „давайте объединимся“). Во многих других диалектах новая парадигма прошедшего времени, с его *-k* в 1 л. мн. ч. (*bolduq* „мы были“ вместо старого *bolduŋuz*), образовала по аналогии вариант на *-alyq* (*alalyq* „пусть мы возьмем“, *birälik* „давайте пойдем“, параллельное *alalyŋ* „возьму-ка я“, *birälim* „пусть-ка я дам“). Образование на *-alim* встречается также и в тунгусском языке. На фонетическое оформление этого образования, вероятно, оказало влияние (особенно в вост.-тюркск.) будущее время на *-ǰai*, *-ai* (см. § 54)¹¹⁷, и мы можем иногда встретить в 1 л. мн. ч. повелит. накл. образования на *-ajyq*, *-ajyŋ* (откуда, позднее, в сев.-тюркск., якут. и др. *-ajyŋ*, в якут. *-yŋ*). Появляющееся здесь *-yŋ* следует, пожалуй, связать с чувашским

-in (pulš-v-in „пусть я буду“, pulš-vgr-in „пусть мы будем“; Ашмрин, стр. 294). Звуковой состав этой формы повелительного наклонения значительно варьируется в различных диалектах, даже в тех, которые в остальном очень близки (см. Катанов, стр. 647—637—).

§ 60. Суффикс -ta

Поскольку в корейском языке отглагольные имена на -ta, -i и -te отличаются друг от друга не только по звучанию, но и по своему значению и функциям, мы должны считать это отличие древним. Примеры из тунгусского и отчасти тюркского, по-видимому, подтверждают этот взгляд. (На этот раз мы начинаем с корейского.)

1. *Корейский*. Суффикс -ta в корейском языке является окончанием „инфинитива“, обычной лексической формы глагола, выполняющей следующие функции:

а) Декларатива (=инфинитиву и индикативу), передающей значение действия как такового, без ограничения во времени в виде, например, kada „ходить“, mekta „есть“, itta (< isi-da „существовать“, manha (< man ha-da) „быть в большом количестве“. Декларативная форма обычна также в оборотах, выражающих альтернативность действия: oda kada h da букв. „приходить уходить- делать=ходить туда и сюда“, watta katta h da, букв. „пришедшим быть, пошедшим быть делать=непрестанно приходить и уходить“, manhatta ciegetta h da „быть большим или меньшим“.

б) Деепричастия внезапной перемены (Converbum mutationis) на -taga, где -ga („но, и“) представляет собой энклитическую частицу.

в) Деепричастия цитации (Converbum citationis) на -tai (> -dā) где -i является наречным падежным окончанием.

г) Деепричастия эффективности (Converbum effectivum) на -togo, -togoik (север.-кор. -toguk), в составе окончания которого мы видим окончание инструментального падежа -го (сев.-кор. -gi) и частицу -ok, -uk „как раз, ровно, именно“.

Вариант -tē, которого следовало бы ожидать для глаголов с гласными переднего ряда, употребителен, кажется, только в некоторых диалектах (idē „есть...“, ittē „существует, существовать“ и в быдснном языке не встречается.— Следует отметить долготу гласных в -tā, -tē.

2. *Тунгусский*. В тунгусском языке „инфинитив“ на -dā~dē осложнен притяжательным или возвратным суффиксом, выполняющим как функции „супина“, так и функции будущего времени повелительного наклонения (Precativum), например: oda „чтобы стать“: odāwi „чтобы (ты) сам стал“, odāu „чтобы я стал“, odās „чтобы ты стал“, odan „чтобы он стал“, odāun „чтобы мы могли бы стать“, odāsun „чтобы вы стали“, odatin „чтобы они смогли бы стать“, odāwer, odaur „чтобы они сами, мы сами, вы сами

стали“; emekse gūndēwi (лам. gūndej) „придя, скажи: ...“ мн. ч. emeksel gūndēwer „прибывши (как только вы придете туда, не медля по прибытии), скажите: ...“, anadāwi „пожалуйста, подвинь!“, anadāwer, anadaur „пожалуйста, подвиньте!“— От этого имени на -dā~dē образуются также падежные формы на -lā и -lī см. § 11 и 12.

3. *Монгольский*. Монгольское деепричастие предела (Converbum terminale) на -tala (~-dala?) отвечает тунг.-маньч. деепричастию на -dala „до (чего-либо)“ и „в течение (чего-либо)“, где надежное окончание -lā присоединилось к имени на -da-; монг. atala „в то время, пока оно есть (является)“, boltala „пока оно станет (до того, как оно станет)“; маньч. otolo „до того, как оно станет (пока оно не станет)“, тунг.-лам. istala „до тех пор, пока оно достигнет, до“; калм. kürtele > kürtl „до“. Встречающееся в некоторых монгольских диалектах -taga является, пожалуй, более поздним вариантом -tala, но бурят. -saga (< -ča-ga) наряду с -sa (< ča) с тем же самым значением цели или намерения, напротив, представляет собой совершенно другое словообразование.— От -tala, унаследованного из древнего языка, в новомонгольском языке был позднее образован исходный падеж; халх. pojjon baetlās „пока он (ты, кто-то) все же хозяин“.

4. *Тюркский*. В тюркском архаическое (с коротким гласным!) -ta~tā во втором или третьем слоге должно было, регулярно отбрасывая гласный, давать -t, ср. монг. ota „капуста“ = тюркск. ot „трава“; ata, atan „мерин“ = тюркск. at „лошадь, верховая лошадь“; монг. ita „прожорливый“ = тюркск. yt > it „собака“; монг. boda „главное дело, сущность“ = др.-тюркск. bod, койб. pos, зап.-тюркск. boj „тело, корпус“ и т. д. Также и от -te и -ti следовало бы ждать в тюркск. -t. И в самом деле, мы находим в тюркском отглагольное имя на -t, несмотря на то, что от этого типа словообразования язык уже на очень ранней стадии своего развития отказался.

В тех же случаях, когда к окончанию -ta присоединялся какой-либо другой суффикс, например -ci (суффикс действующего лица), гласный сохранялся: тюркск. ot „трава“ и „капуста“, otaču „лекарь, врач“. Древнетюркский язык имел причастие будущего времени на -taču: boitaču sän „ты был близок к тому, чтобы стать, становящийся, ты становишься“, öltäci jittäci sän „ты есть (был) подлежащий смерти и закату“. Этот тип причастия будущего времени употреблялся еще в уйгурском, но в команском мы находим его только в единичных примерах: коман. qutqardaču „спаситель“, tuurdaču „создатель“. В современных языках он уже утрачен, однако остались еще, например, ойрат. aldaču „дух смерти“ (< монг. ala- „умерщвлять“) и караим. bild'ači „знаток“¹¹⁸.

Кроме того, мы находим это имя на -ta- в якутском языке в окончании -tala-, которое служит для образования фреквентативных глаголов: olur- „сидеть“, olurtalā- „там и тут сидят (не-

сколько человек)*, olurt- „сажать“, olurdutalā- „сажать туда сюда“, üt „дыра“, üttā- „продырявить“, üttātālā- „(во многих местах продырявить“; siä- „есть“, siätālā- „много или часто есть“ и т. д. см. Ястремский, стр. 144.

Издревле унаследованные тюркскими языками имена на -t представляют как-будто бы ясного доказательства своего происхождения от имен на -ta (суффикса неопределенного наклонения) или же на *tu (= кор. -te) — суффикса, придававшего имени значение результативности действия. Мне хотелось бы привести следующие примеры: qarṭ „престарелый“ (qarṭ- „быть старым“); qarṭut „сыр“ (qarṭ- „сушить“)¹¹⁹; казах. sarṭut „последние капли“ (sarṭ- „выливать“), sarṭurt „налог, сбор“ (sarṭ- „заставить положить“); ср.-тюркск. adut „горсть“ [но adu-č, в каргас. aduš, якут. utys „щепотка (столько, сколько можно взять пальцами)“, монг. ad-qu-ča „ад-чу- „брать кончиками пальцев“], bulut „облако“ (монг. bu-la-ṭe „сумрачный“), káčit, тур. gežid „брод“ (káč- „переезжать через реку“); уйг. ānit „спуск, долина“ (ān- „опускаться, погружаться“); чув. anatri (< anit-dāki) „внизу или ниже живущие“; ойрат. čuy „выход“ (čuy- < tašuy- „выходить“); монг. taliji- „удаляться“; уй. obut „стыд“, ubut (?) в чаг. uitan- „стыдиться“ [< ub-, тунг. uw „отступать, не мочь подняться (о дыме)“, кор. op = англ. to take in undertaking]; казах., ойрат. kükirt, тоб. kükrit „гром“ (kükir- „гром“; монг. kür-kire-). Довольно часто имя на -t производилось от фактативной основы, причем -ti превращалось в -t, например: ойрат. suṭat „место водопоя“ (suw-ṭat- „давать напиться, напоить“); кирг. olut „место для сидения, стул“, qonut „место жительства, родина“, ölüt „убийство“, ögüt „совет“ (< ögür- „советовать“, „понимать, уметь“, ög „разум“, отсюда ögrä-p- „учиться“, ögrä- „обучать“); уйг. jaṭut „возмездие, воздаяние“ (< jaṭ-ut- „пovenуть вспять“).

Окончание -di (~-ti) в тюркск. unṭu „надежда“ (un- „надеяться“), ögdü „похвала“ (ög- „хвалить“); шор. aldu „дичь“ (< al- „убивать, бить дичь“, монг. ala-) и т. п. будет трактоваться ниже, в параграфе, посвященном суффиксу -ti.

§ 61. Суффикс -ti

Отглагольное имя на -ti (~-di, -thi) в корейском языке представляло собой, пожалуй, судя по его значению, будущее время, которое, однако, развилось в потенциальное будущее — примером такого же, как в немецком обороте „es wird wohl so sein“. Поэтому в „Грамматике корейского языка“ я назвал эту форму „Indecisiv“. Это же отглагольное образование мы встречаем в отрицательной форме предложения в тех случаях, когда предложение представляет собой конструкцию с вспомогательным глаголом ḥada и maḥda: rodi ani ḥanda „он, пожалуй, не видит; он не видит“, ro ḥada „избегай смотреть, не смотри!“, rodiḥi ḥada (то же). Параллельно в языке существовала в качестве утвердительной форм

повелительного наклонения и такая форма, как rodiḥa „смотри!“; в гольдском языке сюда же должна быть отнесена форма потенциальности с окончанием -dira, -dire (Грубе, стр. 88, jakfun bidere „восемь, я думаю; пожалуй, их восемь“).

Сюда же относится будущее время на -tin (мн. ч. -tir) в ламутском языке: 1 л. ед. ч. ämdim (< em-din-b), 2 л. ämdindi, 3 л. ämdin; 1 л. мн. ч. ämdiru (< emdir-bu), ämdip (< em-dir-bit), 2 л. ämdis (< emdir-su), 3 л. ämdir; ед. ч. itčim „я увижу“, itčindi „ты увидишь“ и т. д. (< iče-tin); tikčim „я упаду, я падаю“ (< tāk-tin). От этого будущего времени ламутский язык (и западно-тунгусские диалекты?) образовал прилагательное на -ga (< -gai), которое употребляется в качестве причастия будущего времени; budin „умрет“, budinga, budiga, budige „умирая, умирающий“, hurdinga „готовый пойти; тот, кто пойдет“, nekčinga „который сделает“; тунг. pitit tegežingot „мы сядем!“, silüžad'inas „ты сварешь (должен сварить) суп“ (Mat. зв. ф., 21). Причастие на -dinga (-dina) в некоторых говорах фонетически совпадает с причастием на -ṭgā (-ṭa), произведенным от вторичной глагольной основы на -ṭa- (~-ṭe-).

Более отчетливо, чем лам. -din~-tin, с кор. суффиксом -ti соотносится гольд. суффикс -ti, который мы встречаем обычно в произведенных от страдательной основы (-w-) прилагательных на -pči и -pt-asi: hola-pči „четкий, разборчивый“ (< *hola-w-ti), hola-ptasi „неудобочитаемый, нечеткий“ (< *hola-pti- + asi).

В пользу гипотезы об алтайском происхождении суффикса -ti говорит, по моему мнению, наличие отглагольных имен на -di в тюркских языках: к перечисленным выше (под -ta) подходят, например, уйг. kälti „будущее“ и káčti „прошлое“. А. Габэн прочитала и истолковала в Хюен-тсанге (316) абзац sogütüg kásti mān как „я немедля срублю дерево“, но, тем не менее, она называет эту форму прошедшим временем¹²⁰.

§ 62. Суффикс -te. Прошедшее время

В корейском языке наряду с различающимися между собой двумя окончаниями -ta и -ti имеется еще один суффикс — -te. Глагольная форма с окончанием -te выражает действие отдаленное во времени либо в пространстве и уже начатое; поэтому в „Грамматике корейского языка“ (§ 127) я назвал эту форму не „Präteritum“ (прошедшее время), а „Regressiv“. В роли простого сказуемого в предложении эта форма встречается ныне в корейском языке только в сложносоставных образованиях или с частицами, например: odega „(кто-то) приходил, он (она, оно) приходит“, ode (то же) (o-te-i), oden (< ode in) ttäe „к тогдашнему времени прибытия, когда прибыли“, wattera, watte „уже прибыл (прибыли)“; miues-idenži (сев.-кор. idendi) „что бы то ни было; что-нибудь“ (< miues ide-in di).

В тунгусском языке древнее -de, -da в позиции после гласного перешло в -te, -ta и тем самым дало фонетическое совпадение с окончанием причастия будущего времени -te, -ta. В положении

после согласного -de, -da сохранилось, но -te, -га в позиции после согласного дало -de, -da; в результате произошло фонетическое совпадение этих двух окончаний, например: тунг. emden „я приходил“, emdendi „ты приходил“, emden „он (она, оно) приходил“; itten „я видел“, ittes „ты видел“; anaga-n „он двигал“, anaga „они двигали“ и т. д.

Отношение между подлежащим и сказуемым в тунгусском языке, как и в тюркском, следует понимать следующим образом: сказуемое представляет собой имя с приданным ему энклитически местоимением в номинативном, либо в генитивном значении, например: тунг. emde-n „он приходил“ = „приход его“, itten „он видел“ = „видение его, его тогдашнее (или начатое уже) видение“ (ср. тюркск. käl-t-i „он приходил“).

Посредством элемента -k-, который должен быть возведен к сокращению (кор.) kes „предмет, вещь“ (см. Rainstedt, Kor. kes, стр. 4), в тунгусском языке обозначается условно-временное придаточное действие: emdeki „в том случае, если (когда) я приду“, букв. „мое прихождение, мое прихождение-предмет“, emdekis „если (когда) ты придешь“, anagakin „когда он толкает, когда он толкал“. Таковы же, но с прибавлением -i перед присоединенным -k- (см. § 57) следующие формы: bisikis „когда (если) ты есть (или был), esiki emde „если я не приду“ и т. д.

Совпадение прошедшего времени на -d- (т. е. корейского регрессива) с элементом -t- настоящего времени (т. е. тюркского аориста) привело, должно быть, к тому, что вторичная глагольная основа на -жа- благодаря единичности своего значения нашла весьма широкое применение, и, таким образом, настоящее время стало выражаться при помощи суффикса -žaga-: ežežeren „он приходит“, žewžeren „он столуется“.

В тех случаях, когда -d- следовал после глухих согласных (k, t, p, s), он подвергался оглушению и уже в древних словообразованиях вместо -d- встречается -t-; в языке имелись, например, такие слова, как žebde, žerte „еда, съеденное“, bute „смерть, умирание“, откуда тунгб. žertilä „кушание“, лам. zebitla „(остатки) кушанья“, тунг. butilä „смерть“. Здесь отыменное -la (= монг. -lai) обычно присоединяется к -p-te, т. е. к прошедшему времени на -te- от страдательной основы на -bu- (-wu-, -w-, -pu-, -p-). Из прошедшего таким путем -p-te-la-, в сокращенном виде ptila, ламутский язык получил окончание -tla, обозначающее результат действия (Богораз, стр. 46): zebitla „кушанье“, ma-tla „жертва убийства“, pä-tla „положенное“, o-tla „сделанное“ и т. д. (Переход гласных e > i ср., например, с sigde, sigdilä „промежуток, между“.) Прошедшее совершенное время страдательного залога на -ptila, -tla представляет собой имя с конкретным значением и, в результате присоединения притяжательных суффиксов, дает форму прошедшего времени изъявительного наклонения действительного залога: amatla „наследство“, amatlau „мое наследство“ = „я оставил это после себя, я выбросил это“.

В монгольском языке мы встречаем прошедшее несовершенное время с окончанием в монгл. -ži, -či, разговорное -ži, -či, в котором присутствует ископный -d-, -t с последующим гласным, соответствующий тюркскому -du, -di > -d, -t. Фонетическая природа гласного здесь совершенно неясна; мало что разъясняется и через монгНТ. -žeo, -čeo (т. е. -d'u, -t'u > или -du, -tu?; см. Haenisch, стр. 189). Однако употребление этого имени и в корейском, и в монгольском, и в тюркском языках в одном и том же значении прошедшего времени говорит об их тождественности.

В качестве формы законченного действия монгольский язык имел на ранней стадии своего развития окончание -ži ui (монгНТ., монгК.), которое ныне ошибочно читается как -žiuui (монгл.); в разговорном языке наряду с -ži в конце предложения употребляется также и -žā (< ži'ai, -ži'ei). Наиболее часто это образование на -ži употребляется в качестве деепричастия. С помощью глагола baiči „быть“ оно передает действие, совершающееся в данный момент: jabuži байна „идет“, т. е. „идет как раз в данный момент“ > халх. jawužwān ~ калм. jowžān. Калмыцкое образование с окончанием -žā- является, таким образом, свежим и не имеет никакого отношения к тунгусскому -жа-, -že-. При помощи также глагола okiči „отбрасывать, покидать“, калм. oki-, позднее возник некий тип глагола (ныне это одно из вполне принятых в монгольских языках образований), который выражает совершенность, законченность действия: халх. хайжаž-орчиwa „он выбросил это прочь, он бросил (окончательно)“ > хайжэтсүw калм. хайтсүw. В результате этого стяжения новомонгольский язык обрел окончание tsχ-, -ts-¹²¹.

В тюркских языках к этому типу образований относится прошедшее совершенное на -t-, -d- с последующим притяжательным суффиксом: др.-тюркск. bit-t-im „я дал, я отдал“, bar-d-um „я пошел“, öl-t-iñ, öl-t-ig „ты умер“, jarlyqa-d-у „он приказал“, käl-t-i „он пришел“ и т. д.¹²² В процессе позднейшего развития -d- нормализовался, и в чувашском языке мы уже находим вместо него закономерный -t-. В первом и втором лице гласный окончания являлся слабым гласным, а в третьем лице гласный переднего ряда -i, который в чувашском языке еще проявляется, как -iə, развился в якутском в -a, -ä. Этот звук представляет собой древнее местоимение *i, маньч. i „он, она, оно“, монг. in-и (род. п.), тунг. in~n (род. п.); с течением времени гармония гласных вызвала для 3 л. сначала варианты -i~-y, а затем во многих языках еще и -i~-u; таким образом, имеется четыре варианта: -i~-y~-ü~-u. 1 л. мн. ч. на -d-ушuz в южно-тюркск., вост.-тюркск., зап.-тюркск. уступило место имени на -duq, и таким путем создалось окончание -q в значении „мы“; это окончание прививалось затем иногда и к другим глагольным формам: тур. olsağ „если мы будем, если бы мы были“, alaiq „если бы нам взять, возьмем-ка“ и т. д.